

1908 г.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

№ 14.

II годъ изданія.

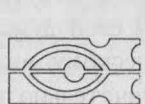
СЦЕНА

И

ЖИЗНЬ

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

СЦЕНА И ЖИЗНЬ

Еженедельный, театальный и литературно-художественный иллюстрированный журналъ.

II годъ изданія.

№ 14.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 6-ГО АПРѢЛЯ.

1908 Г.

СОДЕРЖАНІЕ:

„Новый вопросъ“ — рассказъ **А. Рейзина**; „Свободное чувство“ — стихотвореніе **А. Грунина**; „Цыганъ“ — рассказъ **Ю. Зарманъ**; Стихотвореніе **А. Павлоградскаго**; „Село Беззаботное“, — очерки деревенской жизни **А. Кочановской**;

Театръ: „Цикль Вагнеровскихъ оперъ“; Театральная хроника; Литература и писатели: „Объ увѣковеченіи памяти А. Н. Островскаго“ — статья, **А. Лугового**; По Россіи.

Новый вопросъ.

РАЗСКАЗЪ.

А. Рейзина.

Когда щеточникъ Хайкель, будучи 16-лѣтнимъ юношей, впервые узналъ, что на свѣтѣ живутъ люди, которые хотятъ уравнять всѣхъ, чтобы не было ни бѣдныхъ, ни богатыхъ, онъ не только скептически отнесся, но прямо-таки смѣялся въ глаза тому, кто рассказалъ эту «небылицу». Съ едва замѣтной ироніей въ своихъ большихъ голубыхъ глазахъ онъ сказалъ рассказчику:

— Ты думаешь войти въ сдѣлку со мною, приобрѣсти меня «клиентомъ»? Напрасно! Со мною «гешефта» не сдѣлаешь. Ищи себѣ другихъ дураковъ.

Но, спустя нѣкоторое время, когда «организация» взяла его въ свои руки и ему подсунили знаменитую брошюрку «Земной рай», онъ какъ-то иначе посмотрѣлъ на дѣло. Понемногу онъ началъ вникать въ то, что говорили ему товарищи. Но объять вопросъ во всей его глубинѣ, добраться, такъ сказать, до святаго святыхъ этой новой религіи и сдѣлаться истинно вѣрующимъ — все это не удалось Хайкелю, не-

смотря ни на какія услія. Онъ три раза прочелъ «Земной рай». Все что было тамъ непонятнаго, товарищи разъяснили ему самымъ добросовѣстнымъ и популярнѣйшимъ образомъ. Но все-таки онъ почесывалъ затылокъ и немного глуповато, какъ бы, про себя все время говорилъ:

— Да, но какъ же это можетъ быть?

Товарищи, однако, не унывали и подсунули ему новую, маленькую брошюрку: «Сказка о четырехъ братьяхъ». Такую сказку онъ, собственно говоря, однажды уже читалъ. Она называлась: «Сказка о трехъ братьяхъ». Но то было совсѣмъ другое. Послѣ той сказки онъ сталъ куда небожнѣ. Прочитавъ ее, онъ молился съ особеннымъ усердіемъ, прося Бога, что, если судьба заброситъ его одного въ пустыню, то чтобы Онъ спасъ его, какъ того праведника изъ «Сказки о трехъ братьяхъ». А тутъ, когда онъ прочелъ «Сказку о четырехъ братьяхъ» случилось совсѣмъ другое. Молиться онъ сталъ куда меньше

прежняго, о Богѣ еще меньше думалъ, но зато онъ началъ познавать, что такое социализмъ.

Товарищи увидѣли, что дѣло идетъ на ладъ, что изъ Хайкеля можетъ выйти толкъ и ему дали прочесть «Кто чѣмъ живетъ», а спустя нѣкоторое время — «Путь еврея къ социализму». Позже ему приносили брошюрки все труднѣе и серьезнѣе, которыя Хайкель сравнивалъ съ знаменитымъ талмудическимъ трактатомъ о «яйцѣ, снесенномъ курицей въ субботній или праздничный день». Этотъ трактатъ, который онъ, по чрезвычайной трудности, едва одолѣлъ въ хедерѣ, былъ ему особенно памятенъ.

— Это еще труднѣе того трактата, говаривалъ Хайкель, но зато красивѣе...

И мало по малу щеточникъ Хайкель сдѣлался настоящимъ социалистомъ, но на свой, особый манеръ. Молиться Богу онъ, конечно, совсѣмъ пересталъ. Но сказать, что Хайкель сдѣлался еретикомъ, атеистомъ

то тоже не лезя было. Хайкель остался тѣмъ же вѣрующимъ, но... другой религии. Въмѣсто утреннихъ молитвъ въ синагогѣ, разныхъ «славословіи», «богохвалений», и т. д., онъ съ такимъ же жаромъ принялся за революціонныя пѣсни, стихи, брошюрки и т. п. И когда онъ пѣлъ, напримѣръ, «Мы гонимы и презрѣнны», онъ съ такимъ же упоеніемъ закрывалъ глаза, какъ въ былые годы, когда онъ произносилъ знаменитую молитву: «Слушай, Израиль». Тотъ же благоговѣйный трепетъ, тотъ же религіозный экстазъ. Бывало, во время собраній кто-нибудь изъ рабочихъ вдругъ задумается и запоетъ какую-нибудь «любовную пѣсню» изъ «Суламифи» или «Баръ-Кохбы», Хайкель тогда обращается къ нему съ нотаціей:

— Ну, какъ тебѣ не стыдно пѣть такія буржуазныя пѣсни. И тотчасъ же самъ запоетъ:

— «Мы гонимы и презрѣнны». А остальная публика подхватываетъ:

— «Мы гонимы и ненавидимы
Все за то, что любимъ
Забитый несчастный народъ».

И, какъ только оканчивали пѣть эту пѣсню, Хайкель уже начиналъ пѣть другую. И такъ до конца, пока были спѣты всѣ «кошерныя» революціонныя пѣсни. А Хайкелю все еще хочется пѣть и пѣть безъ конца.

— Ужъ больше нѣтъ пѣсенъ? Бывало, спрашиваетъ онъ съ трагической ноткой въ голосѣ.

— Есть еще одна: «Вы, рабочія женщины».

— Ну! какъ бы съ недовольной миной отвѣчалъ Хайкель. Эта пѣсню была хотя революціонная, но Хайкель такъ понималъ что она не для мужчинъ. И при этомъ онъ вспоминалъ «благодарственную» въ началѣ утренней молитвы, которая была напечатана маленькими буквами въ его давно заброшенномъ молитвенникѣ. Тамъ рядомъ съ «Благодарю тебя, Создатель за то, что ты не создалъ меня женщиной», предназначеннымъ для мужчинъ, значилась признательность Іеговѣ и отъ слабого пола: «Благодарю Тебя, за то, что Ты меня создалъ по волѣ Твоей», съ припиской съ боку: «Для женщинъ». На это благодареніе Хайкель, бывало, только глазами смотритъ и никогда, конечно, его не произносилъ. «Для бабъ», думалъ онъ себѣ, хотя святость этого славословія въ его глазахъ нисколько не уменьшалась, точно также, какъ не менѣе святой считалась для него теперь пѣсня: «Вы, рабочія женщины».

Основы социализма у Хайкеля, главнымъ образомъ, состояли въ томъ, чтобы «ненавидѣть врага». Подъ словомъ «врагъ» Хайкель, какъ и его единомышленники, конечно, разумѣли правительство. Но это былъ лишь политическій врагъ. Экономическимъ врагомъ былъ, конечно, капиталъ. Но какъ же ненавидѣть экономического врага? Конечно, ненавидѣть его можно и даже должно въ лицѣ капиталистовъ, фаб-

рикантовъ-вампировъ, высасывающихъ кровь бѣднаго рабочаго. Ихъ слѣдуетъ ненавидѣть всѣми фибрами души.

И Хайкель, какъ истый фанатикъ-соціалистъ, ненавидѣлъ ихъ всей душой и всѣми своими помыслами. Слово «капиталистъ», «фабрикантъ», и имъ подобныя онъ не могъ выговорить хладнокровно. Лицо у него искажалось отъ злобы, глаза метали молніи и, казалось, что онъ ихъ сожжетъ своимъ дыханіемъ.

Разумѣется, что не лучше онъ относился и къ своему «капиталисту», къ своему «фабриканту», Беру Іозельману. Особенно, усилилась его ненависть къ нему послѣ того, какъ забастовка щеточниковъ не удалось и «жестокій вампиръ» предалъ въ руки полиціи трехъ рабочихъ, какъ главныхъ зачинщиковъ. Съ тѣхъ поръ онъ не могъ его видѣть равнодушно. И когда этотъ «фабрикантъ», бывало, входитъ въ его отдѣленіе, гдѣ онъ весь въ пыли стоялъ и чистилъ щетину, Хайкель умышленно начиналъ медленнѣе работать. «Пусть бѣсится, думалъ себѣ Хайкель, пусть лопаются толстое пузо».

Но «толстое пузо» даже не думало лопаться. Спокойно, безъ волненія, онъ, бывало, подходитъ къ Хайкелю, взглянетъ на него своими заплывшими, оловянными глазами и неприятнымъ, жесткимъ голосомъ спокойно и тихо говоритъ ему:

— Ты, кажется, просилъ прибавки? За такую хорошую работу ты ее безусловно заслуживаешь!

Тутъ уже Хайкель съ чувствомъ безграничной злобы, ненависти и мести съ особымъ рвеніемъ берется за работу. Какъ-то неестественно, въ дикомъ изступленіи онъ начинаетъ вскидывать вверхъ пучкомъ щетины, расчесывать его желѣзнымъ гребнемъ до того, пока не порѣжетъ себѣ пальцы и не покажется кровь. Молъ, теперь смотри, тиранъ: заслуживаю ли я прибавки или нѣтъ?

И ненависть еще больше усиливалась.

Часто въ отдѣленіе, гдѣ работалъ Хайкель, захаживала дочь фабриканта, Фанни, молодая стройная дѣвушка, съ выразительнымъ лицомъ, черной густой косой и карими глазами, которые гордо, но съ отѣнкомъ какой-то своеобразной граціи смотрѣли впередъ. Приходила она каждый разъ справляться: «Не былъ-ли тутъ рарі? И ея появленіе, бывало, производитъ какое-то особое впечатлѣніе на всѣхъ рабочихъ. Пыль, которая столбомъ стояла въ отдѣленіи, падая на нее, превращалась въ лучистыя вѣтви, какъ будто солнце заглянуло въ полутемныя сѣни. Но она никогда тамъ долго не оставалась. Не прощаясь, она, бывало, выбѣжитъ и послѣ маленькой паузы, достаточной для того, чтобы она не услышала разговора, обыкновенно, слышался такой діалогъ:

— Чортъ проклятый! Какъ хороша!

— Чего ей не достаетъ? Одной только лихорадки!

— Въ банкѣ, небось, уже положены для нея пятьдесятъ тысячъ чистоганными.

— Надо ей вовсе посватать Хайкеля,— иронизировали нѣкоторые.— Онъ тогда самъ сдѣлается «капиталистомъ».

Хайкель краснѣлъ и не безъ гнѣва, бывало, отвѣчаетъ:

— Типунъ тебѣ на языкъ!

Но послѣ этого онъ, бывало, долго думаетъ о ней. И, какъ на зло, думы его склонялись всего больше въ хорошую сторону... Фантазируя такимъ образомъ около получаса, онъ, бывало, что-то вспомнитъ и вдругъ встrepенется, какъ будто пробуждаясь отъ сладкаго, но страшнаго сна.

— О чемъ я думаю? Тѣфу! И, какъ кающійся грѣшникъ, онъ тотчасъ же отгоняетъ всѣ прежнія свои думы, и предавался чисто-соціалистическому мышленію. Но для того, чтобы окончательно избавиться отъ назойливой мысли, онъ, бывало, обращается къ одному изъ товарищей-рабочихъ:

— Скажи, ты читалъ прокламацію по поводу стачки булочниковъ въ Варшавѣ?

Чѣмъ дальше, тѣмъ больше Хайкель, однако, къ ужасу своему чувствуетъ, что его мысли о Фанни, дочери фабриканта далеко не «кошерныя». Онъ могъ-бы даже поклясться, что онъ еене ненавидитъ. Даже наоборотъ... И при этой мысли Хайкеля бросаетъ въ жаръ и холодъ. Онъ призываетъ на помощь всѣ прочитанныя брошюрки: «Земной рай», «Чѣмъ кто живетъ», «Сказку о четырехъ братьяхъ» и еще, и еще. Но это не помогаетъ. И тогда Хайкель старается выкопать и вспомнить всѣ звѣрства капиталистовъ вообще и его фабриканта въ частности. Онъ припоминаетъ всѣ неудавшіяся забастовки, русскія и заграничныя, о которыхъ онъ читалъ. Вспоминаетъ даже стачки рудокоповъ въ Бельгіи и Франціи и проч., и проч. На минуту это средство подѣйствуетъ, и Хайкель уже почти убѣжденъ, что онъ ненавидитъ Фанни наравнѣ со всѣми буржуями и капиталистами-тиранами. Но спустя полчаса образъ Фанни какой-то волшебной силой проносится передъ взоромъ Хайкеля и чувство злобы куда-то улетучивается, его нѣтъ. Его мѣсто заняло совсѣмъ иное чувство, такое, которое Хайкель боится даже назвать именемъ. Это имя онъ знаетъ, но произнести его страшно, мучительно-страшно.

— Стыдъ и позоръ! укоряетъ себя Хайкель. Гдѣ это видано и слыхано, чтобы рабочій... Помилуйте, рабочій!.. И кто она? Она пьетъ нашу кровь! Отъ этой крови она такъ красива! Ентель, которая работаетъ на спичечной фабрикѣ, вѣдь, она въ тысячу разъ красивѣе ея. Даромъ, что она худая, блѣдная. Это каторжный трудъ ее такъ высушилъ. А я вдругъ влюбляюсь... Стыдъ, позоръ! Какой же я послѣ этого социалистъ?

Мысль, что онъ вовсе не социалистъ, такъ вліяетъ на Хайкеля, что онъ почти убѣжденъ уже въ томъ, что отъ грѣшныхъ мыслей онъ избавился. Но все-таки это не

долго продолжается. Какъ разъ на завтра на порогъ отдѣленія вновь появляется Фанни и своимъ нѣсколько сдержаннымъ, но пріятнымъ и звучнымъ голосомъ спрашиваетъ:

— Что рарі не былъ здѣсь?

И какъ на зло Хайкель, какъ и всегда, первый отвѣчаетъ ей:

— Только что вышли...

И въ голосъ его—ни тѣни злобы. Отвѣтъ какой-то дружелюбный, радушный.

Перетерпѣвъ столько отъ этого угнетающаго его чувства, въ его умѣ однажды блеснула такая мысль:

— Откуда я все-таки знаю, что дочь фабриканта нельзя любить? Чѣмъ она провинилась, что ея отецъ богатый тиранъ и кровопійца? Кто его знаетъ? Возможно, что по «соціализму» это вовсе не преступленіе. Откуда я знаю, что нельзя?... Вѣдь, я вовсе не такъ «развить» и «сознательнень», чтобы знать все это. Весьма возможно, что это далеко не такъ страшно...

Это немножко успокоило Хайкеля, но все-таки не совсѣмъ... Рѣшить такой трудный вопросъ, этого Хайкель не хотѣлъ взять на самого себя. Въ самомъ дѣлѣ, что онъ знаетъ? Всего на всего онъ прочелъ «Земной рай», «Кто чѣмъ живетъ», «Сказку о четырехъ братьяхъ», еще нѣсколько книжекъ и наконецъ прокламаціи. Правда, прокламацій онъ читалъ много. Но тамъ о такихъ вещахъ ничего не сказано. Объ этомъ, вѣроятно, писано много тамъ, въ большихъ толстыхъ книгахъ. Такія книги онъ видѣлъ у Лейбы-агитатора. Онъ, вѣроятно, знаетъ. Его надо объ этомъ спросить.

Окончивъ работу, Хайкель отправился къ Лейбѣ-агитатору.

Лейба-агитаторъ жилъ въ какомъ-то заброшенномъ переулкѣ. Когда Хайкель постучалъ къ нему въ дверь, онъ три раза спросилъ: «Кто тамъ?»

Если-бы Хайкель имѣлъ надобность къ

Лейбѣ по «конспиративному» дѣлу, то онъ прямо сказалъ-бы кто онъ, и Лейба его пустилъ-бы. Но явившись къ нему съ такимъ пустымъ, хотя и «соціалистическимъ» вопросомъ, у Хайкеля не хватило духа отвѣтить ему, какъ «знакомый». Два раза онъ ему отвѣтилъ: «я», какъ обыкновенный посѣтитель. И лишь на третій разъ онъ набрался смѣлости и отвѣтилъ такъ, что Лейба тотчасъ же, безъ боязни открылъ дверь.

— Есть что-нибудь новое? спросилъ Лейба.

— Нѣтъ, застѣнчиво опустивъ глаза отвѣчаетъ Хайкель,—я такъ себѣ... Нѣтъ ли у васъ свѣжей литературы...?

Лейба далъ ему нѣсколько брошюрочекъ. Хайкель сидитъ минуты двѣ молча и смотритъ въ землю. Потомъ онъ подходитъ къ столу, перелистываетъ толстую, русскую книгу и робѣя и, улыбаясь говоритъ Лейбѣ.

— Тутъ, вѣроятно, обо всемъ сказано...

Лейба съ миловидной улыбкой смотритъ на Хайкеля и поглаживаетъ свои длинные взъерошенные волосы. Хайкель молчитъ съ минуту. Потомъ откашливаясь, онъ обращается къ Лейбѣ:

— У меня сегодня былъ диспутъ съ однимъ знакомымъ рабочимъ...

— По поводу чего? спрашиваетъ Лейба.

— Стыдно даже сказать... По поводу любви...

— Тутъ ничего постыднаго нѣтъ, отозвался Лейба-агитаторъ тономъ признаннаго авторитета, — Соціализмъ обнимаетъ собою всевозможные вопросы, въ томъ числѣ и любовь. Любовь — это очень важный вопросъ.

— То я таки хотѣлъ спросить васъ, говоритъ Хайкель уже болѣе развязно, — какъ по закону... если рабочій влюбляется въ дочь эксплуататора?

— То есть, какъ это по закону?... не совсѣмъ понялъ Лейба предложенный вопросъ и продолжалъ улыбаться.

— Я спрашиваю: можетъ-ли рабочій... имѣть-ли онъ право влюбиться въ дочь фабриканта?

— Ой, ой, ой, да еще какъ можетъ!!— воскликнулъ Лейба.

Лицо Хайкеля просіяло. На него нашло какое-то просвѣтленіе.

— Такъ, значитъ, можно?.. А я думалъ... т. е. я сказалъ, что нельзя...

— Конечно нельзя, смѣялся Лейба, и вы знаете почему? Потому, что, если фабрикантъ узнаетъ, то онъ выгонитъ рабочего изъ фабрики.

Хайкель опустилъ голову.

— А что? спрашиваетъ Лейба — развѣ кто-нибудь у васъ тамъ влюбился въ дочь фабриканта?

— Нѣтъ!.. это такъ пришлось къ слову... слабо отвѣчаетъ Хайкель.

— Можно! убѣжденно сказалъ Лейба-агитаторъ.

Когда Хайкель возвращался домой отъ Лейбы, у него все время стояла въ ушахъ его фраза: «Можно то, можно! Но, когда фабрикантъ узнаетъ, онъ выгонитъ изъ фабрики».

— Издохнетъ онъ и не узнаетъ, мысленно говоритъ себѣ Хайкель. И, вспоминая Фанни, онъ въ мысляхъ прибавляетъ:

— И она ничего не узнаетъ.

А «издохнетъ она и не узнаетъ» этого Хайкель не говоритъ. Ибо, если дочь капиталиста можно любить то, Боже сохрани, чтобы она «издохла». Она должна жить...

Перев. С. Г.

Свободное чувство.

На свободное чувство цѣпей не
кують!
Пусть сегодня безумно люблю я тебя,
Завтра въ сердцѣ моемъ безнадежно
умрутъ
Даже проблески счастья минувшаго
дня,
Пусть сегодня я счастливъ съ
тобою вдвойнѣ
Опьяненный небесной твоей
красотой,
Завтра ты забудешь во вѣкъ обо
мнѣ
И ласкать тебя будетъ другой...

На свободное чувство цѣпей не
кують!
Пусть вчера я тебя ненавидѣлъ
душой,
Завтра ласки твои мое сердце зажгутъ
И пойду я впередъ за тобой.
Страсть безстрашно и слѣпо плететь
свой вѣнокъ,
Радость жизни смѣняетъ безумье
тоски.
И вчерашній кумиръ, и увѣнчанный
богъ
Завтра будетъ разбитъ на куски.

Аленѣй Грунинъ.

Цыганъ.

(РАЗСКАЗЪ).

Онъ былъ подкидышъ... Ему было не болѣе шести мѣсяцевъ и звали его Цыганомъ. Его окрестили такъ дѣти, постоянно игравшія на бульварѣ, и съ тѣхъ поръ кличка эта осталась за нимъ.

Черный, мохнатый не то пудель, не то водолазъ, съ огромными, широкими лапами и короткимъ обрубленнымъ хвостомъ, щенокъ выглядывалъ грязнымъ, некрасивымъ, и былъ очень похожъ на медвѣженка.

Но зато онъ былъ уменъ, и сердце у него было доброе. Это было видно по его кроткимъ и яснымъ каримъ глазамъ, какъ то виновато всегда выглядывавшимъ изъ подъ нависшей на нихъ шерсти. Унаслѣдовалъ-ли онъ эти добрыя качества отъ матери, родившей его, или просто всѣ живыя существа, брошенныя на произволъ судьбы, быстро умнѣютъ и дѣлаются добрыми, претерпѣвъ всякія невзгоды,—не знаю,—одно лишь достоверно, что Цыганъ много перенесъ: терпѣлъ и голодъ, и холодъ, и не мало получалъ всякихъ пинковъ. Дворники и швейцары считали своей непремѣнной обязанностью толкать и колотить его чѣмъ попало и осыпать разными отборнѣйшими словами, которыя Цыганъ, къ счастью для его нравственности, не понималъ.

Только городской, стоявшій посрединѣ бульвара и околочный, проходившій каждое утро мимо него съ портфелемъ подъ мышкой,—важный и внушительный,—относились къ Цыгану совершенно равнодушно. Да и какое имъ могло быть дѣло до него? Что можно было взять съ голодной, бездомной собаки? И еслибъ Цыгану вздумалось укусить кого-нибудь, то даже тогда они едва-ли обратили бы на это вниманіе, вѣдь не съ кого было бы даже взыскивать штрафъ,—а по пустому стоило развѣ тревожить себя?

Въ это туманное утро Цыгану особенно было тяжело; грустный сидѣлъ онъ на бульварѣ, печально опустивъ голову; мохнатая уши почти закрывали ему глаза. Въ желудкѣ у него ворчало и бурлило, да и, шутка ли, уже вторья сутки онъ ничего не ѣлъ.

Много дѣтей приходило на бульваръ, всѣ они играли, возились со щенкомъ, но рѣдко кто-нибудь изъ нихъ кормилъ его; развѣ только дѣти кочегара да швейцарова дочка изъ того большого дома, во дворѣ котораго Цыгану иногда дозволялось спать по ночамъ. Другія же дѣти, нарядныя и красивыя, никогда почти ничего не приносили ему, а если и приносили, то самую малость: кусочекъ сахару или сладкій сухарикъ.

— Тяжко жить! казалось говорили его добрые каріе глаза, медленно скользившіе по

окружающимъ предметамъ: тяжело, хоть бы кто-нибудь пришелъ, накормилъ бы меня.

Но никто не приходилъ; дѣтей въ этотъ день на бульваръ не пускали, потому что моросилъ мелкій дождь, небо было покрыто сѣрыми, тяжелыми тучами и дулъ холодный, осенній вѣтеръ, шелестя пожелтѣвшими листьями липъ. Цыганъ дрожалъ отъ холода.

Вотъ быстро прошелъ молодой человекъ въ сѣрой крылаткѣ; щенокъ посмотрѣлъ на него, повилъ хвостомъ, но тотъ даже не взглянулъ на него; за нимъ прошла еще какая то дама, высоко подобравъ юбки, потомъ мужикъ въ армякѣ, баба съ корзиной яицъ,—но никто не обращалъ на него вниманія. Цыганъ опять опустил мохнатую голову и, тяжело вздохнувъ всею грудью, легъ на сырой, грязный песокъ.

Онъ не зналъ, конечно, что за нимъ наблюдали два человекъ, одинъ изъ бѣлэтажа, другой изъ пятого этажа одного и того же каменнаго дома.

Первый былъ плотный, высокій господинъ въ вицъ-мундирѣ, съ краснымъ, нѣсколько вздутымъ лицомъ. На дверяхъ его квартиры, на мѣдной дощечкѣ красовалось крупными красивыми буквами: «Иванъ Ивановичъ Хвостовъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ».

Онъ стоялъ у окна своего кабинета и смотрѣлъ на улицу. Хотя онъ только что сытно позавтракалъ, но тѣмъ не менѣе былъ раздраженъ и не въ духѣ. Причиной такого настроенія была бурная сцена, которую только что устроила ему его благовѣрная супруга за то, что онъ въ четыре часа утра явился домой въ не совсѣмъ благообразномъ видѣ. Да и голова у него болѣла отъ вчерашняго кутежа.

— Чтожъ, покутили чуточку съ друзьями въ Альказарѣ, думалъ онъ, выпилъ лишнее,—стоило изъ за такого пустяка такой шумъ поднимать. Но эта аргументація все-таки не улучшила его настроенія. Какой-то внутренній голосъ подсказывалъ ему, что все же это не пустяки... Ему крайне неприятно было и то, что жена, очевидно, узнала, съ кѣмъ онъ тамъ былъ... И откуда она узнала?..

А былъ онъ тамъ, дѣйствительно, въ обществѣ своей старой знакомой, французженки Зизи, съ которой состоялъ въ очень интимныхъ отношеніяхъ.

— А каналья она, эта Зизи, элегантная, пикантная, просто конфетка... и хитрая же! Выклянчила таки себѣ сережки! Лицо его сложилось въ пріятную гримасу. Онъ вспомнилъ, какой изрядный кушъ получилъ на дняхъ за нѣкоторое обдѣланное имъ дѣльце и самодовольно усмѣхнулся.

Что же, отчего и не побаловать ее не-

много, подумалъ онъ про Зизи, но тутъ же вспомнилась ему сердитая супруга, ея слезы и упреки, и снова раздраженіе овладѣло имъ.

— Тфу, ты пропасть, пробормоталъ онъ и чуть не сплюнулъ въ сторону,—ахъ, тяжело жить на свѣтѣ.

Ему страшно хотѣлось сорвать на комъ-нибудь свою досаду и онъ неистово забарабанилъ по стеклу, глядя опять внизъ на улицу.

— Никакъ дождь,—проворчалъ онъ,—ужъ этотъ петербургскій климатъ... Взглядъ его упалъ на собаку.

— Вотъ песь, спитъ себѣ на пескѣ, голый, мокрый,—философствовалъ онъ,—и ничего ему больше не нужно,—гмъ, на то и животное. И имъ овладѣло чувство гордости отъ сознанія, что онъ, Хвостовъ, существо лучшее, что онъ стоитъ неизмѣримо выше этого пса.

Въ это время на бульварѣ показалась горничная въ коричневомъ платьѣ, въ бѣломъ передникѣ съ воланами, въ кружевной наколкѣ на модной, взбитой прическѣ. Она шла, красиво приподнявъ подолъ платья, изъ подъ котораго виднѣлись башмаки на высокихъ каблукахъ, и кокетливо помахивала маленькимъ хлыстикомъ. За нею бѣжалъ красивый, черный пудель съ розовымъ бантикомъ на головѣ.

— Ишь по дождю разгуливаютъ! подумалъ дѣйствительный статскій совѣтникъ. А ножки то у ней... Онъ почувствовалъ явное удовольствіе при видѣ этихъ ножекъ.

Пудель подбѣжалъ къ Цыгану и обнюхалъ его, щенокъ устало поднялъ голову потомъ завилъ своимъ обрубленнымъ хвостомъ, вскочилъ на ноги и, неуклюже положивъ лапу на спину пуделю, пригласилъ его этимъ собачьимъ жестомъ играть. Но пудель востепенулся, подскочилъ, огрызнулся и больно хватилъ щенка за ухо. Цыганъ завизжалъ, поджалъ хвостъ и отошелъ, печально глядя на пуделя своими кроткими глазами. Хвостовъ у окна засмѣялся. «Такъ тебѣ и надо»,—пробасилъ онъ,—и все его тучное мясистое тѣло затряслось отъ смѣха.

Между тѣмъ изъ пятого этажа, полусидя на подоконникѣ, смотрѣлъ на щенка молодой человекъ, худощавый, съ лицомъ землисто-блѣднаго оттѣнка и бородкой, въ сѣрой потертой студенческой курткѣ. Хозяйка и дворникъ знали его подъ именемъ Григорьева.

— Подлая, избалованная собака!—подумалъ студентъ про пуделя. Его давно мучила острая жалость къ щенку, и онъ уже съ утра сидѣлъ тутъ и все думалъ, что дѣлать съ нимъ, какъ бы пристроить его куда-нибудь.

Взять его къ себѣ онъ не могъ, нечѣмъ было кормить, нечѣмъ уплатить налогъ. Онъ самъ питался колбасой и ржанымъ хлѣбомъ, или ѣлъ просто хлѣбъ безъ колбасы.

— Впрочемъ, и это ничего,—думалъ онъ, подѣлились бы по-христіански; главное—налогъ. Безъ налога нельзя, дворникъ пронюхаетъ, проходу не дастъ.

Онъ тоскливо посмотрѣлъ внизъ на бульваръ. Цыганъ снова лежалъ, свернувшись калачикомъ.

— Охъ, проклятое житье! — вздохнулъ Григорьевъ, даже собаку, и ту спасти мы не въ силахъ,—а хотимъ вѣдь всему человечеству помочь. «Суждены намъ благіе порывы,—вспомнилъ ему стихъ Некрасова,—а свершить ничего не дано». Не дано... да... пробормоталъ онъ съ горечью.

Онъ пошелъ и легъ на кровать. Въ груди у него ныло, кашель душилъ его. Закинувъ руки наверхъ, онъ уставился взглядомъ въ потолокъ и сталъ думать. Собака неизмѣнно стояла у него передъ глазами.

И зачѣмъ животное страдаетъ,—а вѣдь оно страдаетъ несомнѣнно.. Ну, а человѣкъ нищій, голодный, развѣ не страдаетъ? какъ то насмѣшливо пронеслось въ его головѣ. Такъ чтожъ! человѣкъ чаще всего и самъ виноватъ;—его на то воля. Вотъ и онъ самъ и боленъ, и голоденъ, и нищъ, а кто же виноватъ, какъ не самъ? Любишь кататься, люби и саночки возить. Захотѣлъ учиться, не имѣя средствъ, ну, и голодай... Ну, а Цыгана то за что выбросили? Тоже люди сдѣлали, подлые... Данъ же человѣку разумъ природой. а онъ пакоститъ имъ, во зло употребляетъ... Неясная злоба противъ людей охватывала его. Снова мысли его вернулись къ собакѣ.

— Хоть бы кто-нибудь изъ жильцовъ взялъ ее! Онъ вспомнилъ Хвостова, котораго иногда встрѣчалъ на лѣстницѣ и передъ подъѣздомъ. Въ экипажахъ ѣздитъ, французенку держитъ, а собаки не возьметъ! пальцемъ о палецъ не стукнетъ для нея... Остальные жильцы не лучше, только бѣдные. А тѣ, что переѣхали недавно, въ третьемъ этажѣ?.. Онъ задумался. Въ сущности онъ ихъ совсѣмъ не зналъ еще, только хозяйка говорила, что семья небольшая, не богатая, и что дѣти взрослые.

— Хоть бы они...—Онъ не кончилъ своей мысли, и зашагалъ по комнатѣ, потомъ закашлялъ, отхаркался и снова легъ.

— Нѣтъ порядочныхъ людей на свѣтѣ, одному до другого дѣла нѣтъ, хоть помирай тутъ... Острая боль гдѣ то въ легкихъ усилилась.

— А слабыхъ бы убивать слѣдовало,—рѣшилъ онъ вдругъ. Слабые должны пасть, какъ сухіе листья опадаютъ вонъ тамъ на бульварѣ. Кажется, Ницше говорилъ то же самое, или нѣчто подобное. И на что живутъ такіе жалкіе, больные люди, какъ я?

Онъ сжалъ кулаки, мучаясь своимъ безсиліемъ, потомъ нетерпѣливо привсталъ и сѣлъ. Зубъ не попадалъ на зубъ, онъ весь дрожалъ.

— Холодно,—думалъ онъ, а тамъ дождь, на улицѣ, тутъ хоть крыша, а тамъ и крыши нѣтъ... Цыганъ промокъ, должно быть... Онъ точно бредилъ, не понимая самъ, почему мысль о собакѣ проносилась въ его мозгу. Рядомъ, въ сосѣдней комнатѣ раздалась дѣтскіе голоса.

— А если попросить хозяйку, чтобъ взяла?...—точно подсказалъ ему кто-то.

Онъ подумалъ съ минуту, рѣшительно махнулъ рукой и пошелъ въ сосѣдную комнату. Хозяйскія дѣти, мальчикъ и дѣвочка, игравшія въ куклы, оглянулись на него съ дѣтскимъ удивленіемъ, полуразинувъ рты.

— Гдѣ мама?—какъ то заискивающе спросилъ Григорьевъ.

Мальчикъ сунулъ указательный палецъ въ ротъ, вынулъ его, потомъ опять приложилъ къ губамъ и, наконецъ, произнесъ съ разстановкой.

— Мама стилаетъ...

Студентъ кивнулъ головой и отправился въ кухню. Хозяйка, пожилая женщина съ изнуреннымъ отъ тяжелой работы лицомъ, стояла передъ корытомъ съ засученными выше локтя рукавами и стирала. При видѣ своего жильца, она отерла носъ ладонью лѣвой руки и вопросительно взглянула на него. Онъ, переминаясь, заложилъ руки въ карманы тужурки, не зная, съ чего начать.

— Должно быть самоваръ нуженъ!—думала она между тѣмъ съ досадой, но упорно молчала.

Наконецъ, онъ началъ говорить, торопливо, заикаясь, волнуясь, какъ будто дѣло шло о немъ самомъ, а не о собакѣ. Съ первыхъ же словъ его она вытаращила на него свои водянистые глаза и замахала мокрыми, намыленными руками.

— Чтобъ я взяла щенка, того, что тутъ шляется, Цыгана? Совсѣмъ вы это напрасно.. Мало, что ли у меня еще заботъ,—возражала она, снова принимаясь за стирку.

— Вы сдѣлали бы доброе дѣло, Пелагея Никитишна,—сказалъ онъ убѣдительно, собака—животное преданное, она вамъ вѣкъ будетъ благодарна, родныя дѣти скорѣе бросятъ, а собака не броситъ...

Она приостановилась, упиравъ руками въ корыто, испуганно глядя на него.

— Что это вы батюшка, нешто родныя дѣти бросятъ?! Она въ недоумѣніи покачала головой.

— Да и грязная такая, некрасивая,—нерѣшительно начала она.

— Это ничего,—перебилъ ее студентъ, зато добрая, и вымытъ можно.

Она ничего не отвѣтила, колеблясь, и мысленно взвѣсивая выгоды и невыгоды, которыя могъ ей принести Цыганъ.

— Сторожъ хорошій... Воровъ не пустилъ бы...—И вдругъ она вспомнила о налогѣ.

— А налогъ-то! чай забыли! — почти вскричала она. Откуда же я три рубля лишнихъ возьму? Ну, кормить еще можно было бы, а налогъ... Она замотала головой.

Студентъ потупился.

— Что въ сущности три рубля?—пробормоталъ онъ, какъ бы иронизируя надъ самимъ собой.

— Какъ что?! — визгливо вспыхнула она, а у васъ они есть? Сами знаете, что еще за комнату съ васъ не получено. Хоть бы пожалѣли, вѣдь, я вдова, ребятишекъ двое, тоже ѣсть хотятъ.

Она поспѣла носомъ, и мокрой рукой откинула прядь волосъ, упавшую ей на лицо.

Григорьевъ чувствовалъ, что краснѣетъ.

— Скоро заплачу, — пробормоталъ онъ и, постоявъ немного, вышелъ, сопровождаемый не очень ласковымъ взглядомъ хозяйки.

— Блаженный какой то, чахоточный!—проговорила она, когда онъ закрылъ за собою двери.

А ему было больно и стыдно.

— И чего это я мучаюсь, изъ силъ выбиваюсь, изъ за собаки какой то, досадовалъ онъ на себя. Онъ вдругъ почувствовалъ голодъ, подъ ложечкой засосало, нестерпимо захотѣлось ѣсть. Но денегъ у него не было ни гроша.

— Пойти, занять у кого нибудь,—подумалъ онъ тоскливо, надѣвая полинялое пальто,—или заложить что нибудь...

Онъ рѣшилъ итти къ одному товарищу. Когда онъ вышелъ изъ воротъ, дождь все еще шелъ. Начинало смеркаться.

Студентъ, бочкомъ, не глядя на собаку, лежавшую все также на прежнемъ мѣстѣ, прокрался мимо нея, досадуя въ то же время на самого себя.

— Крадусь, точно воръ, и кого я боюсь,—злился онъ, совсѣмъ ужъ это смѣшно и нелѣпно. Обязанъ я, что-ли, брать всѣхъ собакъ?.. Но какъ бы противъ воли онъ вспомнилъ добрые каріе глаза щенка и снова внутри у него защемило.

Онъ пошелъ быстрѣе, большими шагами удаляясь отъ бульвара.

Дождь не переставалъ; скучный, мелкій какъ пыль, утомляющій, онъ все заволакивалъ своимъ сырымъ туманомъ. Цыганъ спалъ, положивъ голову на переднія лапы. Во снѣ онъ дрожалъ отъ холода, большія крупныя капли падали на него съ деревьевъ, а въ животѣ все бурчало: тукъ, тукъ, буль, буль...

Иногда онъ вздыхалъ, просыпаясь, и тяжелыя, смутныя думы проходили вереницей черезъ его собачью голову.

— Чѣмъ онъ все это заслужилъ, что и кому сдѣлалъ онъ дурного... Зачѣмъ же онъ терпитъ и голодъ, и холодъ, и побои? И онъ мысленно давалъ кому-то лапу, прося прощенія, виляя обрубкомъ хвоста.

— Пошелъ вонъ!—раздалось вдругъ надъ нимъ его ухомъ, и онъ почувствовалъ на спинѣ каблукъ чьего-то сапога.

Цыганъ вскочилъ, весь съежившись, и отбѣжалъ въ сторону. Сторожъ бульвара въ синемъ форменномъ кафтанѣ, опоясанномъ зеленымъ кушакомъ, замахнулся на него метлой. Цыганъ пустился бѣжать, но въ это время чей то женскій голосъ, захватившись, окликнулъ его:

— Цыгань! — Цыгань! Онъ остановился, пугливо оглядываясь. Какая то женщина, — щенокъ сейчасъ смекнулъ, что это, должно быть, прислуга, бѣжала за нимъ и, догнавъ его, схватила, уцѣпившись за его длинную шерсть. Песъ, испуганный, присѣлъ, поспѣшно протягивая ей свою грязную лапу, инстинктивно думая, что она его хочетъ прибить.

— Не бойсь, голубчикъ! — заговорила она ласково, погладивъ его по головѣ, ишь, какой ты грязный, горемычный. Пойдемъ, и она, причмокивая губами, подзывала его.

Сторожъ, подошедшій съ метлой, сталъ передъ нею, растопыривъ ноги, глядя на нее удивленными глазами.

— Твоя, что ли, собака? — спросилъ онъ.

— А тебѣ то что? Ужъ не твоя ли! — огрызнулась она.

— Неужто такъ ее съ улицы и возьмешь? — недоумѣвалъ сторожъ.

— Чего присталъ, аспидъ ты этакій? Понравилась, велѣно взять, ну, и возьму! — она отплюнулась такъ, что сторожъ шахрахнулся въ сторону и, подзывая Цыгана, пошла къ воротамъ.

Точно во снѣ, щенокъ шелъ за нею, все еще со страхомъ оглядываясь на изумленного сторожа, и только въ душѣ своей онъ смутно предугадывалъ, что въ его жизни происходитъ какой то переворотъ.

Когда Григорьевъ поздно вечеромъ, весь промокшій, но насытившійся, вернулся домой, первымъ его лѣломъ было — взглянуть на бульваръ, на то мѣсто, гдѣ обыкновенно спала собака.

Но при свѣтѣ тусклаго фонаря, онъ увидѣлъ, что Цыгана тамъ не было. Онъ сразу даже похолодѣлъ.

— Гдѣ же онъ? — думалъ онъ растерянно. Онъ пошелъ къ дворнику, сидѣвшему у воротъ и спросилъ про собаку.

Тотъ вытаращилъ на него глаза и, сердито отвернувшись, — проворчалъ.

— А я почему знаю! Мало ли ихъ... — Студентъ поплелся, наверхъ, съ трудомъ поднимая отяжелѣвшія ноги. Его бросало то въ жаръ, то въ холодъ; на груди лежалъ точно камень, его душило, голова горѣла, и все кружилось, застилалось какимъ то туманомъ передъ его глазами.

— Пропалъ Цыганъ! — грустно подумалъ онъ, ложась спать, должно быть фурманчики взяли...

Всю ночь его била лихорадка, душилъ страшный кашель и все снились собаки, черныя, мохнатая; всѣ онѣ лѣзли на него и огромными лапами давили ему грудь. И онъ чувствовалъ себя страшно виноватымъ передъ ними и мучился, отбиваясь отъ нихъ, закрывая воспаленные глаза, чтобы не видѣть грустнаго, какъ бы недоумѣвающего взгляда ихъ коричневыхъ глазъ.

Потомъ онъ на минуту пришелъ въ себя, — въ груди колело, ныло, на подушкѣ появились красныя пятна.

— Конечъ! — мелькнуло въ его головѣ. Онъ почувствовалъ во рту вкусъ крови и

мысль о смерти леденящимъ ужасомъ сковала на мигъ его члены. Онъ оглянулся, какъ бы ища помощи, но комната была пуста, освѣщенная лишь съ улицы фонаремъ; все было тихо, только въ головѣ, въ груди что то стучало и зловѣще хрипѣло.

Когда хозяйка утромъ пришла будить своего жильца, онъ лежалъ въ безпамятствѣ, въ страшномъ жару.

Недолго думая она позвала дворника.

— Господи, вотъ наказаніе то! — волновалась и чуть не плакала она. Что я съ нимъ буду дѣлать? И она рѣшила отправить его съ дворникомъ въ Сольницу.

Григорьева кое какъ укутали, посадили на извозчика и увезли въ Сольницу.

Дорогою онъ стоналъ и, не открывая глазъ, что то все бормоталъ въ бреду...

Черезъ нѣсколько дней онъ умеръ и умеръ такъ внезапно, что даже товарищи его узнали о его смерти только тогда, когда онъ уже лежалъ въ покойницкой.

Сестра милосердія, ухаживавшая за нимъ, молоденькая некрасивая дѣвушка, рассказывала потомъ, что въ бреду онъ все говорилъ про какую то собаку: то жаловался и грозилъ кому-то, то жалобно стоналъ и плакалъ. Приходя въ себя, онъ ничего не говорилъ, ничего не спрашивалъ и не отвѣчалъ даже на разспросы сестры.

Только въ день смерти, когда бывшая квартирная хозяйка навѣстила его и сообщила ему, что какого то Цыгана взяли новые жильцы изъ третьяго этажа, больной вдругъ весь просіялъ и просвѣтлѣлъ.

Къ вечеру пріѣхала къ нему его единственная родственница, двоюродная тетка дряхлая старушка, а къ ночи уже началась агонія. Несмотря на всѣ предсмертныя муки, онъ, ко всеобщему удивленію, умеръ съ улыбкой на изможденномъ чахоткой, страшно исхудаломъ молодомъ лицѣ.

Почему онъ улыбался? Потому ли что ему стало легче отъ подушки съ кислородомъ, которую приставили къ его губамъ, или потому, что Цыганъ былъ спасенъ? Не улыбнулся ли онъ отъ свѣтлаго сознанія, что на свѣтѣ еще есть добрые, гуманные люди, пожалѣвшіе даже бездомную, обездоленную собаку, къ которой онъ почему то чувствовалъ такую острую жалость, и которую не могъ взять къ себѣ, не могъ спасти?..

А Цыганъ? — Цыганъ зажилъ баринномъ. По милости судьбы, онъ прямо съ улицы попалъ въ хорошую семью, въ теплый домъ, гдѣ всѣ его любятъ и балуютъ. И можно сказать, Цыганъ заслужилъ всю эту благодать; онъ ласковъ и преданъ душой и тѣломъ своимъ хозяевамъ. Ходитъ онъ теперь мытый, чесанный, спитъ на собственномъ матрасикѣ, ѣстъ изъ бѣлой чашки. Никто про него не скажетъ теперь, что онъ некрасивъ, знатоки даже утверждаютъ, что онъ породистый песъ. У него теперь никелированный ошейникъ и ярлыкъ; дворники почтительно сторонятся, когда онъ проходить мимо. Но Цыганъ все же ихъ не лю-

битъ, какъ не любитъ и бульварнаго сторожа; стоитъ имъ только сказать невзначай недоброе слово по его адресу, и онъ уже не бѣжитъ какъ прежде, поджавъ хвостъ, а громко лаетъ на нихъ, никѣмъ не стѣсняясь, и дворники конфузливо отворачиваются отъ него.

Даже полицейскіе, не исключая самого пристава, обращаютъ теперь на него большое вниманіе. Они строго слѣдятъ за тѣмъ, чтобы у Цыгана все было въ исправности, чтобы у него былъ и ярлыкъ, и намордникъ. Но такъ какъ Цыганъ не любитъ носить намордникъ, то по этому поводу даже мировому судѣ того участка, въ которомъ Цыганъ живетъ, пришлось познакомиться съ нимъ по протоколу. Положимъ, Цыганъ отъ этого нисколько не пострадалъ, пострадали лишь его хозяева, уплатившіе за своего пріемыша штрафъ.

Да, Цыгану хорошо, весело живется, — зиму онъ проводитъ въ Петербургѣ, гдѣ у него много знакомыхъ. Сосѣдскія Моськи Бишки, Мульки и Бобки, относившіеся къ нему прежде съ большимъ пренебреженіемъ, теперь всѣ его друзья и товарищи. Лѣтомъ Цыганъ живетъ въ деревнѣ, откуда всегда возвращается немного одичавшимъ.

Вспоминаетъ ли Цыганъ свое прошлое? Не знаю, — но иногда онъ подолгу сидитъ, въ задумчивости, низко опустивъ голову такъ, что длинныя, красивыя уши его касаются пола и крѣпко думаетъ.

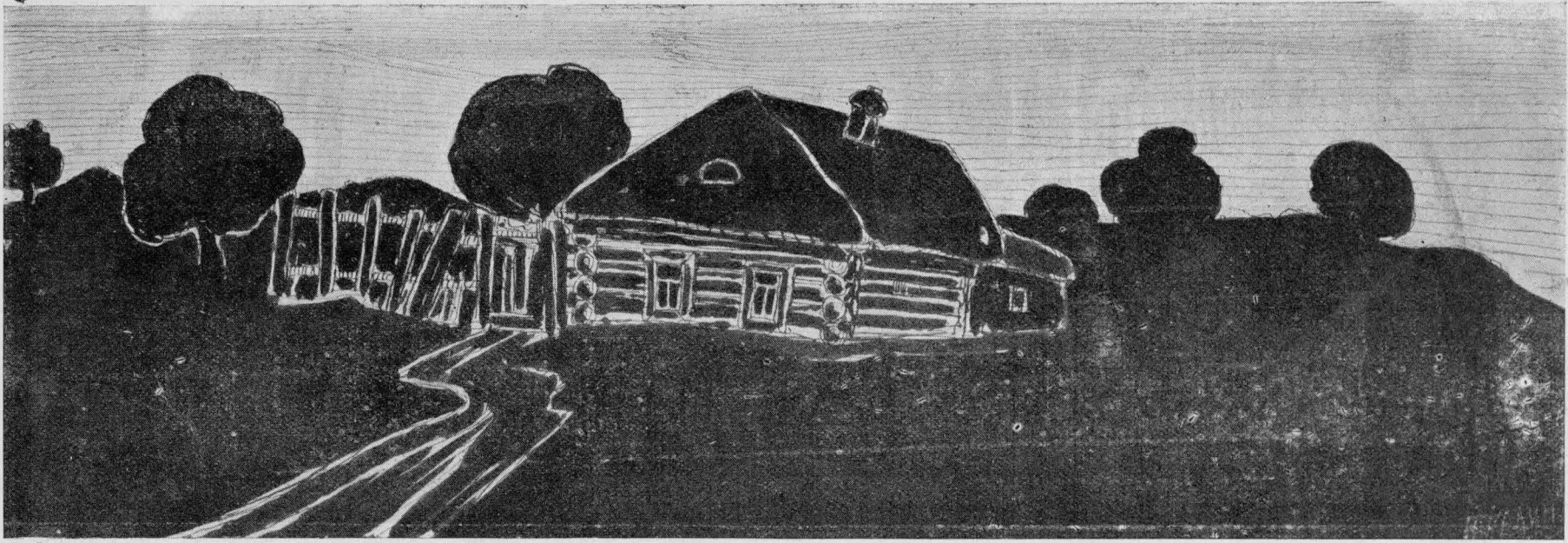
— Цыганъ вспоминаетъ минувшіе дни! — говоритъ тогда курсистка Катюша. И Цыганъ, услышавъ свое имя, поднимаетъ на нее свои каріе глаза, виляетъ обрубоккомъ хвоста и тихонько лижетъ ей руки своимъ теплымъ, мягкимъ языкомъ, причемъ ясныя, кроткіе глаза его такъ и свѣтятся любовью, лаской и преданностью къ тѣмъ, кто пріютитъ его, бездомоваго и голоднаго...

Ю. Зарманъ.

Мнѣ снились колонны развалинъ
Молелень, забытыхъ давно.
Былъ вечеръ задумчиво — нѣженъ,
Былъ воздухъ какъ будто хрусталень
И небо лазури полно.
Раздвинувъ душистую зелень,
Въ безмолвьи смотрѣлъ я съ челна,
Какъ тихо надъ глубио лагуна
О розовый мраморъ молелень
Влюбленно ласкалась волна.
Прильнувъ одиноко къ колоннѣ,
Тамъ въ странной и чудной мольбѣ
Поникла ты милою тѣнью;
Молилась ты сладко мадоннѣ,
И сталъ я молиться тебѣ.

Вас. Павлоградскій.

Село Беззаботное.

(ОЧЕРКИ ДЕРЕВЕНСКОЙ ЖИЗНИ).

Екатерину Николаевну Тихову пригласила къ себѣ тетушка ея, богатая помѣщица, на лѣто въ деревню, находящуюся въ одной изъ нашихъ черноземныхъ губерній. Село Беззаботное, въ сорока верстахъ отъ губернскаго города Конска, имѣетъ одно изъ тѣхъ мѣстоположеній, которыя непременно должны нравиться каждому. Это, конечно, не Швейцарія со снѣжными Альпами, съ хрустальными озерами, съ быстрыми ручьями, съ виноградниками, тутъ вы не найдете также роскошной природы Италіи и небо не имѣетъ цвѣта, свойственнаго только южнымъ странамъ. Это скромный, милый и привлекательный уголокъ, куда каждый съ удовольствіемъ пріѣдетъ лѣтомъ, чтобы отдохнуть. Господскій деревянный домъ, обычной архитектуры помѣщичьихъ резиденцій въ имѣньяхъ, то есть двухъэтажный, съ безчисленнымъ множествомъ оконъ, подъѣздовъ и пристроекъ разнаго рода. Съ одной стороны его рошица, за которой разстилаются поля и луга, а за ними, какъ будто-бы въ туманѣ, виднѣется опять лѣсъ. Съ другой стороны дома большой балконъ въ родѣ террасы, а передъ нимъ кокетливо развертывается ландшафтъ, одинъ изъ тѣхъ которые встрѣчаются нерѣдко на картинахъ фламандской школы. Чистый, блестящій прудъ разстилается какъ зеркало: онъ окаймленъ зеленою опушкою лѣса, удачно разросшагося на холмистомъ берегу. Въ ясный, лѣтній день, когда солнышко ярко свѣтитъ и благотворно разсыпаетъ свои благодатные лучи, когда вся природа оживляется ими, когда воздухъ наполненъ различными звуками птицъ и насѣкомыхъ,

какъ будто спѣвающихъ въ общій гимнъ, чтобы воздать хвалу Творцу, тогда и село Беззаботное не безъ прелести. Сидишь на балконѣ, дышешь чистымъ деревенскимъ воздухомъ и невольно любуешься солнечными лучами отражающимися въ прозрачномъ прудѣ, на поверхности котораго рисуются причудливыя тѣни окружающихъ деревьевъ. Хорошо! бывало иногда, право хорошо!.. Но я хочу поскорѣе приступить къ разсказу.

Наталья Павловна Залужина, помѣщица имѣнія, была замужемъ за богатымъ помѣщикомъ, Николаемъ Петровичемъ Залужинымъ. Дѣтей у нихъ не было. Ник. Петр. былъ въ отставкѣ. Съ уничтоженіемъ крѣпостного права, бросилъ службу и нашелъ болѣе полезнымъ заняться крестьянскимъ вопросомъ, столь важнымъ для помѣщиковъ. Наталья Павловна, слышавшая когда то красавицей, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ все хворала, ѣздила за границу, но безъ пользы. Германскія ученія свѣтила, такъ мало издають свѣта, что можно обойтись и безъ нихъ, въ чемъ она послѣ продолжительнаго лѣченія вполне убѣдилась, почему и рѣшилась возвратиться въ матушку Россію.

Въ лѣто, въ которое начинается мой разсказъ, пріѣхалъ также погостить въ село Беззаботное, еще какой то родственникъ Ник. Петров., князь К... съ молодою женою Софью Александровною, или, какъ ее всѣ называли Софи.

Князь былъ сорокалѣтній, представительный мужчина, влюбленный въ свою хорошенькую жену. Въ молодости служилъ въ гусарахъ и кутилъ, какъ вся наша рус-

ская золотая молодежь. Часть его большого состоянія, ушла на актрисъ, на рысаковъ и на кутежи. Къ счастью, ему надоѣла эта пустая, безтолковая жизнь; онъ уѣхалъ за границу и проживъ тамъ нѣкоторое время, вернулся въ Россію, началъ заниматься своими дѣлами, хотѣлъ привести въ порядокъ разстроенное состояніе и женился.

Софья Александровна, была избалованная, изнѣженная дѣвочка, вышедшая замужъ, потому что, выходя за князя, дѣлала хорошую партію и что ея мама этого сильно желала. Она была воспитана, какъ всѣ наши русскія барышни.

Съ дѣтства окружена французенками и англичанками, которыя учили ее граціозно присѣдать и болтать. Потомъ ходили учителя музыки, рисованія, французскаго языка, но они болѣе поглядывали на часы, чѣмъ слѣдили за успѣхами ученицы, которая въ свою очередь, съ нетерпѣніемъ ждала конца урока. Въ семнадцать лѣтъ воспитаніе было кончено, мать начала вывозить ее въ свѣтъ. Софья Алек. забавлялась имъ, какъ игрушкой, видя въ немъ только букеты и улыбки. Князь увидѣлъ ее, порхавшую въ одномъ изъ пышныхъ и яркоосвѣщенныхъ залъ Петербурга, влюбился и женился.

(До слѣдующаго №).

Анна Кончаковская.

Цикль Вагнеровских оперъ.

Вторую, третью, пятую и шестую недѣлю великаго поста въ Петербургѣ безусловно можно назвать недѣлями Рихарда Вагнера. Администрація нашей Мариинской сцены въ этомъ году снова ставитъ весь цикль „Кольцо Нибелунга“ и это событіе составляетъ одну изъ самыхъ интересныхъ злобъ дня въ музыкальной жизни столицы. Въ четвергъ 27-го Марта шель въ послѣдній разъ „Зигфридъ“, а впереди предстоитъ еще послушать „Гибель Боговъ“. Печать единодушно отмѣчаетъ тотъ фактъ, что Вагнера начинаютъ у насъ понимать. Находятъ, что онъ становится доступнымъ широкой массѣ. Такъ что, принимая во вниманіе отсталость прежняго опернаго жанра — такъ называемой старой Итальянской школы — стиль Вагнера, его новое слово въ искусствѣ, особенно ярко выразившееся въ „Кольцо Нибелунга“, становится даже потребностью массы, вполне отвѣчая духовнымъ запросамъ современнаго интеллигента. Вопросъ этотъ, по моему, настолько серьезный, что о немъ стоитъ сказать нѣсколько словъ.

Для наблюдателя, изучающаго психологию толпы во всѣхъ массовыхъ проявленіяхъ ея симпатій и порицаній, ея энтузіазма, индифферентизма, хвалы и ругани, для такого наблюдателя нѣтъ ничего труднѣе, какъ разобраться въ діагнозѣ толпы при ея оцѣнкѣ художественнаго произведенія. Въ большинствѣ случаевъ бываетъ такъ, что восторгъ, полное ея преклоненіе передъ какимъ-либо мастеромъ служить лучшимъ доказательствомъ его бездарности, ибо давно извѣстно, что все дешевое, пошлое неизмѣнно нравится толпѣ. Зато бываютъ и такіе случаи, когда судъ толпы правиленъ, когда въ общей массѣ она правильно реагируетъ, угадывая въ художникѣ ту искру Божію, которая одна и составляетъ сущность художественнаго творчества. Правда послѣдней всецѣло зависитъ отъ индивидуальности дарованія даннаго поэта или художника, отъ его умѣнья быть общимъ,

универсальнымъ, всеобъемлющимъ, отъ его способности быть понятымъ всѣмъ и каждымъ. Истинный художникъ, обладающій этими качествами, даетъ каждому индивидууму возможность найти въ его произведеніи то, что доступно его пониманію, уровню его умственнаго развитія. И въ этомъ секретъ великихъ, мировыхъ произведений искусства, секретъ ихъ различнаго пониманія и разнообразнаго пониманія людьми ихъ изучающими. Но существуетъ еще такой рычагъ, который главенствуетъ надъ вкусами толпы, руководитъ ими и направляетъ въ извѣстное русло въ рамки того кругозора, который выработала себѣ и властно диктуетъ всѣмъ и каждому кучка избранныхъ. Рычагъ этотъ критика. Она часто заставляетъ многомилліонную толпу поклониться суду нѣсколькихъ личностей, составляющему какъ бы трибуналъ, правда никѣмъ неизбранный, никѣмъ не уполномоченный, но все-таки властный и всесильный. Надо отдать справедливость, что въ исторіи развитія человѣчества этотъ рычагъ сыгралъ огромную роль. Онъ и понынѣ оказываетъ неоцѣнимыя услуги человечеству и твореніямъ его генія. Но съ другой стороны приходится констатировать фактъ, что критика нашихъ дней абсолютно потеряла всякую свободу. Точно также, какъ она способна убаюкивать толпу, часто подчинить ее извѣстному гипнозу и заставить поклоняться признанному его кумиру, въ такой же степени она сама кѣмъ-то гипнотизируется, подчиняется чьей-то невѣдомой директивѣ. Будетъ, пожалуй, нѣсколько оскорбительно для нашей критики сказать, что она находится во власти моды — ибо законодательство въ области моды есть именно ея удѣлъ, ея прямое назначеніе — но къ сожалѣнію это такъ. Я не буду касаться новѣйшихъ лозунговъ въ области изящной словесности, стиля „модернъ“ и вообще всего вѣроученія кружка „молдыхъ“, гдѣ критики съ несомнѣннымъ художественнымъ чутьемъ отлично видятъ всѣ уродства и кривлянья этой, якобы, новой религіи и все-таки поютъ дифирамбы

ея молодымъ жрецамъ. О нихъ я говорить не стану. Но я хочу сказать, что въ области специальной, музыкальной критики тоже помину нѣтъ о былой свободѣ. Она тоже находится подъ гипнозомъ какихъ-то ходячихъ лозунговъ. Она тоже подлаживается подъ настроеніе, признанное якобы доминирующимъ въ данную минуту въ умахъ большинства нашего интеллигентнаго общества. Взять бы хоть данный примѣръ о Вагнерѣ. Въ эпоху самаго разгара вагнеризма въ Германіи — въ семидесятыхъ годахъ минувшаго столѣтія — когда Байретскому свѣтилу буквально поклонялось все и вся, знаменитый Гансликъ тогда уже не побоялся сказать, что массѣ Вагнеръ ничего не далъ и не дастъ. Онъ выразился такъ, что „его душѣ, одна пѣсня Мендельсона больше говорить, чѣмъ десять Вагнеровскихъ оперъ“. Это говорилъ лучшій музыкальный критикъ и выдающійся музыкантъ, котораго въ дилетантствѣ и несерьезности музыкальных познаній заподозрить нельзя было. Это онъ былъ того мнѣнія, что безъ музыкальной подготовки — Вагнера не понять. И понять его опять-таки можно только головой, ибо сердцу, въ особенности — зауряднаго слушателя — онъ ничего не говоритъ. Услышимъ ли мы теперь такое смѣлое сужденіе безпристрастнаго критика? Ничего подобнаго! Наша критика труслива, раболѣпствуетъ сама не зная передъ кѣмъ. Я хотѣлъ бы спросить: на чемъ основано мнѣніе большинства петербургскихъ критиковъ о томъ что Вагнеръ становится понятнымъ массѣ? Не на томъ-ли, что о Вагнерѣ много писали? Но вѣдь музыка одна изъ тѣхъ отраслей искусства, гдѣ воспитательный характеръ ея критики менѣе всего можетъ сказаться въ какихъ-либо реальныхъ результатахъ. По однимъ рецензіямъ слушатель не пойметъ ни одного музыкальнаго произведенія. Для пониманія красоты произведенія существуетъ у очень ограниченнаго меньшинства специальная музыкальная подготовка, а у огромнаго большинства — слухъ. Но этому посреднику въ воспріятіи ошущеній красоты музыкальнаго рисунка

могъ служить и вмѣстѣ съ тѣмъ давать пищу фантазіи и сердцу одинъ только старый оперный стиль. Опера, въ которой преобладающимъ элементомъ былъ не речитативъ, а аріозное пѣніе, она одна могла воспитать слушателя, развить его слухъ и приучить къ пониманію красоты мелодіи и музыкальной фразы. Такъ что, если сказать, что произведенія старыхъ итальянскихъ мастеровъ понятны толпѣ, воспитываютъ ее, облагораживаютъ вкусы и нравы, то это правда. Но, если то же самое говорить теперь про Вагнера, особенно, что масса будто-бы его теперь понимаетъ, то я беру на себя смѣлость сказать, что это далеко отъ истины. Ибо оперный стиль, въ которомъ главенствовало аріозное пѣніе со своимъ относительнымъ реализмомъ, былъ по существу родствененъ человѣческой психологіи. Тогда какъ ультра-реалистической, вагнеровской повышенной речитативъ съ его погоней за темпатическимъ единствомъ обыкновенному, не получившему муз. подготовки, слушателю ровно ничего не говоритъ. Я это провѣрилъ у насъ въ Россіи десятки разъ и я въ этомъ глубоко убѣжденъ. Если же объявленные абонементы на вагнеровскій репертуаръ покрыты въ десять разъ больше, если во время хода дѣйствія на сценѣ, въ зрительномъ залѣ — мертвая тишина; если лица всѣхъ слушателей выражаютъ благоговѣніе передъ какимъ-то священнодѣйствіемъ, происходящимъ на сценѣ, то это не больше какъ сила гипноза. Всю эту толпу критика убаюкала, какъ годовалого ребенка. И даже тотъ, у кого зѣвокъ такъ мучительно просится, смотрите, онъ удерживаетъ его, укрываетъ себя въ невѣжество и уговариваетъ самого себя, что: „это восхитительно, гениально“ и слушаетъ, слушаетъ съ мужествомъ и терпѣньемъ, достойными всякой похвалы.

— Что-же вы, развѣнчиваете Вагнера — изумленно спросить убаюканный читатель.

— Нѣтъ никто это не дѣлаетъ. Вагнеръ безусловно великъ. Но онъ, — если можно такъ выразиться — великій „кабалистъ“ въ музыкѣ. Если же вы станете объяснять обыкновенному смертному сущность монотеизма посредствомъ выводовъ кабалистики, вашъ слушатель непременно заснетъ. Кабалистика можетъ нравиться посвященнымъ въ нее. Они могутъ восхищаться красотами ея высшей метафизики, но она никуда не годится для религіознаго воспитанія массъ. И такъ, какъ мы все-таки знаемъ, что музыка на первомъ планѣ должна преслѣдовать воспитательныя цѣли, что она создана для культурнаго развитія массы, то мы должны притти къ заключенію, что музыкальная кабалистика для названныхъ цѣлей тоже никуда не годится.

„Золото Рейна“ и „Валькирія“ на Маринской сценѣ обставлены съ большой тщательностью. Партии Логге и Зигмунда исполнилъ г. Ершовъ. Артистъ приспособился къ вагнеровскому стилю и толкуетъ эти роли

весьма недурно. Остальные исполнители, какъ-то Смирновъ — Альберихъ, Вотанъ — Касторскій, Гундингъ — Филипповъ и проч. примѣняютъ къ Вагнеру манеры стараго опернаго шаблона, терпимаго кое-какъ тамъ, гдѣ „поютъ“. Но насколько онъ умѣстенъ тамъ, гдѣ надо „фразировать“ и фразу согласовать съ подходящимъ жестомъ, позой и мимикой — объ этомъ я предоставилъ бы судить самимъ этимъ г. „лицедѣямъ“, если бы они могли посмотреть на себя, когда стоятъ на сценѣ. Въ декоративномъ отношеніи заслуживаютъ вниманія второй и третій акты „Валькириі“. Декораціи написаны Брюкнеромъ по рисункамъ проф. Дейплера и вполне соотвѣтствуютъ замысламъ композитора и его знаменитому лозунгу о синтезѣ искусствъ. „Золотомъ Рейна“ дирижировалъ г. Блуменфельдъ, а „Валькирией“ г. Направникъ. Оба дирижера были на высотѣ своей задачи.

Большой залъ Консерваторіи. Спектакль опернаго класса проф. Палечка.

Для испытанія молодыхъ силъ, будущихъ служителей оперной сцены, руководители оперныхъ классовъ въ Консерваторіи избрали двѣ, въ общемъ, незрѣлыя вещи. Одна изъ нихъ „Снѣжной Богатырь“ — раннее, почти юношеское произведеніе Цезаря Кюи, а вторая „Цыгане“. Послѣдняя принадлежитъ перу г. Галковского, ученика Римскаго-Корсакова, по классу „свободнаго сочиненія“. Дирижерами тоже выступаютъ ученики изъ спеціальнаго дирижерскаго класса г. Черепнина. Такъ что, въ общемъ, названныя двѣ вещи, уже повторенныя при обновленномъ, каждый разъ, составѣ исполнителей даютъ возможность испробовать свои силы въ одно и то же время юнымъ композиторамъ, молодымъ дирижерамъ, опытнымъ пѣвцамъ и даже будущимъ представителямъ и представительницамъ Терпсихоры (классъ г. Прѣснякова) Разберемся, однако, въ томъ впечатлѣніи, которое производитъ эта молодежь, какъ своимъ творчествомъ и задатками дарованія, такъ и пониманіемъ своихъ задачъ въ настоящемъ и будущемъ.

Начнемъ съ композитора, т. е. съ г. Галковского. По правдѣ сказать, его „Цыгане“ производятъ какое то неопредѣленное впечатлѣніе. Одно могу только сказать, что оригинальнаго, самоцѣльнаго въ немъ очень мало. Замѣчается склонность молодого композитора — къ мелодическому элементу. Но мелодіи у него не блещутъ оригинальностью и новизной. Большинство навѣяны произведеніями, какъ русскихъ, такъ и итальянскихъ мастеровъ. Въ оркестровкѣ же, въ г. Галковскомъ сейчасъ можно узнать вѣрнаго ученика маститаго Римскаго-Корсакова. Прелюдія написана всецѣло подъ влияніемъ его школы, хотя страдаетъ, нѣсколько, длиннотами. Къ положительнымъ качествамъ г. Галковского, какъ композитора можно отнести его воспримчивость и

умѣнье замаскировать чужое своимъ, почти до неузнаваемости. Его оркестровка не лишена также колоритности и видно недурное пониманіе характера каждаго инструмента.

Мнѣ пришлось видѣть „Цыгане“ при второй постановкѣ въ среду 20 марта. На первомъ представленіи дирижировали операми „Цыгане“ и „Снѣжный Богатырь“ другіе ученики. При мнѣ же выступали, какъ дирижеры; г. Малько (Снѣжный Богатырь) и г. Климовъ (Цыгане). Оба ученика держатся пока, какъ новички. Взмахъ, не совсѣмъ увѣренный и сконцертрированный вниманіе всѣхъ инструментальныхъ группъ на стройности исполненія удается имъ обоемъ пока въ весьма слабой степени, хотя рѣзкихъ промаховъ не было ни у того, ни у другого.

Изъ пѣвцовъ же безусловно заслуживаютъ вниманія ученика класса профессора Габеля. Наше время, время упадка во всемъ. Вырождаются также голоса. Но больше всего пропадаетъ ихъ по милости разныхъ господъ преподавателей, присвоившихъ себѣ громкое названіе „профессоровъ пѣнія“, не имѣющихъ на то никакого права. Эти „голосовыхъ дѣлъ мастера“, общающіе за извѣстную плату „изготовить“ вамъ голосъ какихъ угодно размѣровъ и діапазона губятъ голоса въ буквальномъ значеніи этого слова. Счастливое исключеніе, въ данномъ случаѣ, безусловно составляетъ Габель, „профессура“ котораго принадлежитъ ему по праву. Это право зиждется, во первыхъ на томъ, что лучшіе пѣвцы русской оперной сцены — его ученики. Во вторыхъ, кто понимаетъ постановку звука, тотъ ясно видитъ, что Габель бережно и разумно относится къ тѣмъ задаткамъ, которыми каждый ученикъ обладаетъ. Голосъ, т. е. его сила, звучность и тембръ это отъ Бога и не въ человѣческихъ рукахъ дать ихъ тому, кто ихъ не имѣетъ. Но люди могутъ ихъ погубить, особенно преподаватели, блуждающіе въ темнотѣ.

Мнѣ нравится у учениковъ Габеля округленность звука, что придаетъ всегда каждому голосу его отличительный характеръ. Я ненавижу баритоновъ и теноровъ съ „бѣлой“ серединой. Голосъ становится всегда какой то жидкій. Кромѣ того при форсированіи открытымъ звукомъ „интонація“ никогда не бываетъ чистой. Пѣвецъ или понижаетъ или псвышаетъ. Кромѣ того я замѣчаю у учениковъ Габеля замѣчательную выровненность регистровъ. Переходъ, поэтому, отъ медиума къ верхамъ — у всѣхъ поразительно легкій. Не замѣчается, чтобы ктонибудь давился на переходныхъ и предѣльныхъ нотахъ мѣняющихся регистровъ, какъ это бываетъ у учениковъ многихъ преподавателей.

Гг. Пустовойтъ (басъ), Томашевскій (баритонъ) обнаружили довольно содержательные голоса и прекрасно поставленные. Хорошо поставленъ также голосъ г. Исаченко (теноръ), но матеріалъ у него небольшой,

Партіи свои ученики знали прекрасно, что опять таки дѣлаетъ честь г. Габелю, превосходному аккомпаниатору, Если эти двѣ функціи, т. е. преподавателя, ставящаго голосъ и аккомпаниатора проходящаго партіи соединились бы вездѣ въ одномъ человѣкѣ, то, безусловно, было бы гораздо больше хорошихъ профессоровъ и менѣе искалѣченныхъ, безталанныхъ пѣвцовъ. Но, къ сожалѣнію, изъ такихъ профессоровъ я знаю Габеля и еще, можетъ быть, двухъ трехъ въ Россіи. Остальные же или аккомпаниаторы, понятія не имѣющіе о звукѣ, или же „звукодѣлы“, музыкальность которыхъ не достигаетъ даже умѣнья сыграть простую до-мажорную гамму на рояли...

Изъ ученицъ г-жи Цванцигеръ вниманія заслуживаетъ г-жа Бердникова, обладательница красиваго и свободнаго на верхахъ сопрано. Голоса же г-жи Ранси и г-жи Захаровой, оставляютъ ждать много лучшаго.

С. Генъ.

Театръ „Буффъ“. Гастроли Бр. Адельгеймъ.

Назначенный на среду 2 апрѣля, въ бенефисъ Рафаила Адельгейма «Король Лиръ», по болѣзни бенефицианта, былъ отмѣненъ. Вмѣсто него шелъ «Гамлетъ» съ Робертомъ Адельгеймомъ въ заглавной роли.

Исполнителей роли Гамлета, такихъ, съ которыми приходилось бы считаться, у насъ въ Россіи теперь очень мало. Есть такой исполнитель Мамонтъ—Дальскій, человѣкъ огромнаго дарованія, которому больше, чѣмъ кому бы то ни было шло быть вдохновителемъ идеи Шекспировскаго театра у насъ въ Россіи. Но онъ—Мамонтъ Дальскій. И этимъ уже исчерпывается все, такъ что вдаваться въ дальнѣйшія разсужденія по этому поводу незачѣмъ. Затѣмъ идутъ люди, безусловно преданные идеѣ классическаго театра, но въ табели о талантахъ они, къ сожалѣнію, не могутъ претендовать на первое мѣсто. И это опять таки препятствуетъ осуществленію идеи, составляющей завѣтную мечту немногихъ избранныхъ, настоящихъ любителей театра. А что такъ нужно было бы особенно теперь, когда на нашихъ глазахъ происходитъ такая взбалмошная, безалаберная переоцѣнка цѣнностей, когда идетъ такая упорная война, за самобытіе театра, за его смыслъ, за его духъ и плоть, которыми до сихъ поръ безусловно жилъ актеръ, въ широкомъ значеніи этого слова. Вѣдь для того, чтобы актеръ остался попрежнему властелиномъ сцены для того, чтобы былъ абсолютно признанъ принципъ его единой воли—онъ долженъ воевать именно на тѣхъ позиціяхъ, гдѣ онъ силенъ, гдѣ есть просторъ его творчеству. А эти позиціи—особенно только сильны и крѣпки въ области классическаго театра.

Роберта Адельгейма нельзя назвать плохимъ исполнителемъ роли Гамлета. У него только мало темперамента. Онъ мало трогаетъ зрителя. И этотъ недостатокъ имен-

но потому такъ ощутителенъ, что отдѣлана партія весьма умно и обдуманно. Такъ, что поневолѣ недоумѣваешь, почему въ это не производитъ должнаго впечатлѣнія. Хотя надо правду сказать, что передъ знаменитымъ «быть или не быть» у артиста сталъ замѣтенъ подъемъ и всю послѣдующую сцену съ Офеліей онъ провелъ очень недурно. Одна лишь черта въ общей передачѣ дѣла мнѣ не нравится у г. Адельгейма. Онъ играетъ Гамлета ужъ черезчуръ дряблымъ. Даже съ такой раздвоенностью, съ трагическомъ разладомъ его мятущейся души, нельзя себѣ представить молодого принца такимъ разслабленнымъ, размякшимъ. У г. Адельгейма онъ уже, и, если можно такъ выразиться, неряшливо-дряблъ. По моему это не гармонируетъ съ настоящимъ пониманіемъ типа.

Недурной Офеліей была г-жа Черновская У артистки—интересная внѣшность, красивый голосъ и непосредственность въ игрѣ. Въ сценѣ сумашествія она была очень хороша. Далеко не на своемъ мѣстѣ былъ г-нъ Черновъ-Полоній. Замоскворѣцкая, купеческая, степенная рѣчь съ ея характерной интонаціей умѣстна у Савель Прокофьича въ «Грозѣ» Островскаго. Но играть его роль царедворца при дамскомъ дворѣ—это говорить за отсутствіе вкуса и чутья. Недуренъ былъ г. Астровъ въ роли Клавдія. Молитву онъ провелъ не безъ темперамента. Приличнымъ Лаэртомъ былъ г. Рейхштадтъ. Голосъ и пылкость темперамента вполне соотвѣтствуютъ типу отважнаго юноши. Не портили ансамбля гг. Карчень-Гораціо, Шаховскій-Розенкранцъ и Рунизъ-Гильденгитернъ. Хорошо сыгралъ перваго артиста г. Ракитинъ. Актеръ, видно старой школы. Монологъ въ старыхъ романтическихъ тонахъ удается ему весьма недурно. Изъ рукъ вонъ плоха была г-жа Никольская въ роли Гертруды. Артистка абсолютно безъ темперамента. Публики было довольно много.

Ц. Гроссъ.

— 31 марта въ театрѣ „Комедія“ состоялся спектакль любителей въ пользу малолѣтняго сиротскаго Отдѣленія Николаевскаго дѣтскаго пріюта вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи.

Любителями съ успѣхомъ была разыграна „Гусарская лихорадка“.

Объ исполнителяхъ можно сказать, что мужской персонажъ былъ слабѣе женскаго.

Очень хорошъ былъ г. Бушъ въ роли полковника. Это былъ дѣйствительно типичный гусаръ-виверъ.

Г. Злобинъ былъ недурнымъ деньщикомъ Келлерманомъ.

Г. Сашинъ удачно справился съ ролью фабриканта Никса.

Особенно же надо отмѣтить г-жу Ростову. Эго была замѣчательно милая и граціозная Лотта. Отъ ея игры получались впечатлѣнія какъ отъ игры настоящей актрисы.

Остальные исполнители способствовали общему ансамблю.

Фоманъ.

XX вечеръ „Театральнаго Клуба“ имѣлъ большой интересъ, благодаря участіи артистки парижской „Opera Comique“ г-жи Люсиль Марсель, которая выступить, по слухамъ, въ двухъ гастрояхъ въ Маринскомъ театрѣ. Какъ ученица знаменитаго Ивана Решке, г-жа Марсель прошла великолѣпную школу, что вмѣстѣ съ ея превосходными голосовыми средствами даетъ ей возможность достичь художественной законченности въ передачѣ вокальных произведеній. Исполненные ею арія изъ оперы „Вертеръ“ и пьесы Грига и Ласса вызвали шумные апплодисменты переполненнаго зала, который также сочувственно встрѣтилъ другаго парижскаго гостя піаниста Эдмонда Гертца, ученика знаменитаго Пашковскаго, блестяще сыгравшаго нѣсколько пьесъ Листа и Шуберта. Съ обычнымъ шумнымъ успѣхомъ пѣлъ талантливый И. В. Тартаковъ, г-жа Ванъ-Бринъ и гг. Н. Соколовъ и Виттингъ (превосходный голосовой матеріалъ) выступили съ цѣлымъ рядомъ пьесъ Рубинштейна, Калининкова, Чайковскаго, Глинки, Лассена и др. композиторовъ и имѣли хорошиі успѣхъ, выпавшій также на долю юной миловидной жрицы Терпсихоры Л. К. Пуни и ея партнера Н. И. Кусова, съ должнымъ темпераментомъ протанцовавшіе мазурку.

— 29 марта въ помѣщеніи Русскаго Собранія (Малый залъ Павловой) состоялся концертъ аккомпаниатора Ѳ. Попова.

Изъ исполнителей особеннымъ успѣхомъ пользовались г-жа Филина и г. Долинъ. „Закатилось солнце“ Чайковскаго и „И луна такъ сіяла на землѣ“ г. Гродзскаго были исполнены г-жею Филиной съ большимъ темпераментомъ. Г. Филинъ (басъ) слишкомъ нервничалъ и это отражалось на пѣніи.

Молодой юноша г. Власевъ, исполнившій арію Торреадора изъ оперы „Кармень“, былъ очень слабъ.

Самъ концертантъ г. Поповъ имѣлъ успѣхъ.

— Въ воскресенье 30 марта закрылся съѣздъ режиссеровъ въ Москвѣ. Подводя итоги двухнедѣльной работѣ, члены съезда указывали на его моральное значеніе, на то, какъ „страшно трудно“ было его организовать, Одинъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ участниковъ, г. Залѣсовъ, подчеркнул значеніе созданнаго съездомъ бюро режиссеровъ, какъ начало осуществленія самопомощи и общей культурной работы. Г-жа Мондштейнъ отъ имени центрального правленія выразила признательность всѣмъ откликнувшимся на призывъ союза и высказала надежду, что всѣ принятыя пожеланія будутъ правленіемъ по мѣрѣ силъ проводиться въ жизнь. Съездомъ въ свою очередь выражены рядъ благодарностей; гг. Залѣсову, Платону, Попову, Бахрушину, дирекціи казенныхъ театровъ, Литературно-художественному кружку, „единственному на съѣздѣ антрепренеру“ г. Никулину и др.

Отсутствовавшему г. Немировичу-Данченко рѣшено послать телеграмму. Нѣсколько раньше состоялись выборы въ бюро режиссеровъ. Избраны; предсѣдателемъ — А. П. Ленскій, товарищами—К. С. Станиславскій и Вл. И. Немировичъ-Данченко, секретаремъ—И. С. Платонъ.

— Ученица Эмиля Буржуа кн. Е. Баратова приглашена пѣть на сценѣ Комической Оперы въ Парижѣ.

— Петербургскій театръ, бывший Неметти, снятъ на 5 лѣтъ провинціалнымъ антрепренеромъ М. Т. Строевымъ; сезонъ откроется въ сентябрѣ драмой; лѣтомъ не будетъ никакихъ представлений.

— Слухи объ уходѣ г. Ведринской изъ труппы Александринскаго театра въ Москву оказались преждевременными; артистка остается въ труппѣ на будущій сезонъ. Эти слухи объ ея уходѣ ставились въ связи съ ея недовольнымъ выступленіемъ въ московскомъ Маломъ театрѣ.

— М. Н. Нестерова, ученица Императорскихъ драматическихъ курсовъ, дебютируетъ въ роли Анны Демби въ „Кинѣ“ съ ансамблемъ Бр. Адельгеймъ.

— Изъ Москвы намъ сообщаютъ, что спектакли „Стариннаго Театра“ въ Эрмитажѣ не прививаются къ москвичамъ, и, какъ и въ Петербургѣ, эта затѣя, и очень дорогая къ тому же, вѣроятно, потерпитъ фіаско.

— Еврейская Дузэ, — г-жа Каминская, посѣтитъ на пасхѣ и нашу столицу. Предполагаются гастроли Еврейскаго Художественнаго театра, труппа котораго, во главѣ съ новоявленной Дузэ, въ настоящее время играетъ въ Варшавѣ. Спектакли еврейскаго театра будутъ происходить въ театрѣ В. Ф. Комисаржевской. „Сколько ихъ? Куда ихъ гонять?“

— Артистъ В. К. Мамонтовъ подписалъ контрактъ въ Тифлисъ.

— Директоръ Императорскихъ театровъ В. А. Теляковскій послѣ окончанія весенняго сезона уѣзжаетъ въ заграничную поѣздку. Въ Парижѣ онъ будетъ присутствовать на русскихъ оперныхъ спектакляхъ въ театрѣ Большая Опера.

— Артистъ Малаго Суворинскаго театра Б. С. Глаголинъ организуетъ послѣ пасхи поѣздку по провинціи на товарищескихъ началахъ, въ Товарищество войдетъ часть артистовъ, играющихъ въ „Новомъ Театрѣ“.

— Въ будущемъ сезонѣ въ репертууръ Александринскаго театра включена пьеса Зудермана „Розы“.

— В. Ф. Комиссаржевская возвратится изъ заграничной поѣздки въ Россію не ранѣе іюля м.; въ Москвѣ она предполагаетъ поставить въ театрѣ Эрмитажъ нѣсколько спектаклей съ пьесами-новинками изъ иностраннаго репертуара въ переводахъ, подъ режиссерствомъ Н. Н. Еврейнова.

— М. Ф. Кириковъ прекращаетъ оперную антрепризу въ Народномъ домѣ, лѣтомъ будетъ играть товарищество оперныхъ артистовъ.

— Элеонора Дузэ приобрѣла отъ одного изъ арестантовъ, томящагося въ римской тюрьмѣ, написанную имъ драму своего преступленія, написанную красочно, ярко, талантливо. Въ Римѣ, говорятъ, уже раскрыли псевдонимъ автора — это, будто-бы, убійца извѣстнаго адвоката въ Перуджіи — Гвидо Казане, еще молодой человекъ. Дузэ разучиваетъ уже роль изъ этой драмы, которую она непременно желаетъ поставить на сценѣ.

Въ четвергъ 3 Апрѣля въ театрѣ Комедія (Мохоя, 33) Дирекціей Музыкально-Драматическихъ и Оперныхъ Курсовъ Поллакъ былъ устроенъ IV-ый выпускной экзаменаціонный спектакль учащихся III курса по драматическому классу А. А. Санина. Представлено: „Дядя Ваня“, Чехова, 2 дѣйствіе, „Чайка“ Чехова, изъ 4 дѣйствіе, „Гроза“, драма Островскаго, сцены изъ 2 и 3 дѣйств., „Мѣсяцъ въ деревнѣ“, комедія Тургенева, сцены изъ 4 дѣйств., „Страничка Романа“, этюдъ въ 1-мъ дѣйств. Берникова, экзаменовались: уч-цы Валевская, Владимі-

рова, Гремина, Ларина, Полевая, Свѣтлова, уч-ки Реутовъ, Ростовцевъ, Соболевъ.

Въ пятницу 4 Апрѣля состоялся III-ий вечеръ сценическихъ упражненій учащихся II курса по драматическому классу А. А. Санина для перехода учащихся со II на III-ий курсъ. Представлено: „Трудовой хлѣбъ“, комедія А. Н. Островскаго, сцены изъ III акта, „Дядя Ваня“, Чехова, сцены изъ III акта, „Коварство и Любовь“ трагедія Шиллера, сцены изъ I акта, „Борисъ Годуновъ“, драма А. С. Пушкина, монологъ Бориса „Подъ душою вѣткой сирени“, комедія В. Корнеліева, экзаменовались: уч-цы Безсонова, Невѣрова, Нѣжинская, Пушина, Раневская, и ученики Будаговъ и Гутманъ.

Въ воскресенье 6 Апрѣля оперное испытаніе учащихся по классу оперныхъ упражненій преподавателей В. Б. Поллакъ и Д. А. Дума. Исполнено: сцена изъ оперы „Миньона“ муз. Тома 2-ое дѣйствіе изъ оп. „Травиата“ муз. Верди, сцена изъ 2 дѣйств. изъ оперы „Гугеноты“ муз. Мейербера, сцена изъ I дѣйств. изъ оп. „Жизнь за Царя“ муз. Глинки, сцена изъ оп. „Риголетто“ муз. Верди Пѣли уч-цы Джемсъ-Леви, Исаева, Коцовская, Матвѣева, Чабовская, уч-ки Сиротинъ и Сулуцкій, Крамской и Елишкевичъ.

Михайловскій манежъ.

Изъ борьбы послѣдней недѣли слѣдуетъ отмѣтить красивую борьбу Яковлева съ Вилли Гезе, гдѣ побѣдилъ послѣдній. Борьба Мясоѣдова съ Янковскимъ, хотя и кончилась побѣдой перваго, но чувствовалось, что Янковскій не хотѣлъ класть Мясоѣдова. Красива была борьба Мурзука и Манько, побѣдилъ, конечно, Мурзукъ. Послѣ довольно долгой борьбы съ Шемякинымъ ловкій Вилли Гезе отказался отъ дальнѣйшей борьбы съ нимъ, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что ему невозможно положить вдвое большаго Шемякина. Послѣ упорной борьбы Шемякинъ положилъ Петковича. Борьба Вилли Гезе съ Бонно кончилась скандаломъ, за недобросовѣстную борьбу Бонно былъ признанъ побѣжденнымъ. Колоссальный Шемякинъ цѣлый часъ боролся съ Киманомъ ле-Террасье и два раза былъ почти что положенъ на обѣ лопатки, борьба окончилась въ ничью. Чемпионъ міра Шемякинъ вновь осрамился. Вилли Гезе красиво положилъ сильнаго Петковича. Остальныя борьбы не представляли особаго интереса.

Завсегдатай.

Литература и писатели.

„Объ увѣковѣченіи памяти А. Н. Островскаго“.

27-го Апрѣля 1906 года на первомъ, учредительномъ собраніи «Кружка имени А. Н. Островскаго», говорилось, что необходимо собрать біографическій и библиографическій матеріалы и, въ мѣру средствъ, образовать музей Островскаго.

Эти слова наводятъ на мысль: не наступило ли время дѣйствительно позаботиться объ увѣковѣченіи памяти великаго драматурга.

Островскій создалъ народную, художественную драму, Островскій создалъ новыхъ актеровъ—Островскій создалъ національный театръ. Вотъ заслуги Островскаго въ литературѣ и на сценѣ.

Островскій—это цѣлая эпоха въ области драматическаго и сценическаго искусства!

И неужели все это не говоритъ русскому интеллигентному обществу, что пора, давно пора выказать должные знаки признательности своему писателю.

Не видя радостей жизни, тѣмъ болѣе всеобщаго признанія современниками своихъ заслугъ, не зная справедливой оцѣнки своей 40-лѣтней дѣятельности, претерпѣвая лишь гоненія со стороны цензуры, неужели и послѣ смерти великій писатель не удостоится благодарности всего русскаго общества, особенно—актеровъ и писателей, людей вполне понимающихъ значеніе и заслуги покойнаго драматурга?

Написать возможно полную біографію писателя, аккуратно издать его сочиненія, собрать во едино все, что говоритъ намъ объ Островскомъ или связано съ его именемъ—прямая обязанность современнаго общества.

Это была бы наилучшая благодарность писателю... Это самое разумное, чѣмъ можно почтить память великаго драматурга.

Вѣдь до сихъ поръ не имѣется обстоятельной біографіи Островскаго. Неужели можно назвать обстоятельной біографію, написанную И. И. Ивановымъ? Правда, 20—25 лѣтъ со смерти писателя слишкомъ небольшой срокъ для накопленія біографическаго матеріала, но все же куда внимательнѣе можно было отнестись къ составленію біографіи и полнѣе сдѣлать ея содержаніе.

Можно было, на примѣръ, подробно остановиться на начальной дѣятельности драматурга. За послѣдніе годы въ печати появилось много воспоминаній друзей Островскаго и лицъ, входившихъ въ составъ зна-

менитаго въ свое время, литературнаго кружка. Въ этихъ воспоминаніяхъ встрѣчается порядочное количество фактовъ, рисующихъ раннюю жизнь и дѣятельность писателя, рисующихъ такъ ярко и полно, что можно составить себѣ цѣльное представленіе о личности молодого Островскаго, о богатствѣ духовной жизни писателя, о неразрывной связи его творчества съ окружающимъ міромъ.

То же, что сказано о біографіи, можно сказать и объ изданіяхъ его сочиненій. Не разсматривая старыхъ изданій, довольно будетъ остановиться на «полномъ собраніи сочиненій А. Н. Островскаго», изданномъ подъ редакціей М. И. Писарева.

Аккуратное съ внѣшней стороны изданіе это не особенно отличается полнотой и тщательностью въ содержаніи. Такъ, нѣтъ хорошо составленной біографіи и характеристики литературной дѣятельности писателя, нѣтъ хорошихъ комментарій, очень скудны библиографическія указанія и въ довершеніе всего не достаетъ одной комедіи Островскаго, появившейся на петербургскихъ и московскихъ сценахъ въ 1879 году. Комедія эта носитъ названіе «Добрый баринъ».

Правда, комедія эта ни разу не появлялась въ печати, но это еще не значитъ, что она не нужна для «Полнаго собранія сочиненій». Комедію «Добрый баринъ», мнѣ думается, всегда можно отыскать или въ архивѣ дирекціи Императорскихъ театровъ, или въ архивѣ цензурнаго комитета.

Надо сознаться, что редактированіе «полнаго собранія сочиненій Островскаго» оказалось не по силамъ усталому и полу-больному М. И. Писареву.

Кружокъ Островскаго, въ которомъ много хорошихъ силъ, долженъ проснуться отъ дву-годовой спячки и приняться за проведеніе въ жизнь намѣченной программы.

Члены кружка обязаны сообща разработать біографію писателя, собрать библиографическій матеріалъ, позаботиться объ изданіи сочиненій Островскаго, а также объ изданіи сборника съ біографіями актеровъ, игравшихъ въ произведеніяхъ Островскаго и, наконецъ, приступить къ осуществленію мысли—открыть музей.

У насъ имѣются музеи Пушкина, Лермонтова, Достоевскаго, почему же не устроить музей Островскаго и этимъ самымъ наилучшемъ образомъ почтить память писателя.

Я знаю, что никто не возразитъ противъ высказанной мысли въ принципѣ, во-

просъ сводится къ частностямъ, какъ и гдѣ устроить музей?

Полагая, что этотъ вопросъ—легко устранимый, ибо нашлось же помѣщеніе для музея Пушкина, Лермонтова, Достоевскаго—найдется оно и для музея Островскаго, кружокъ Островскаго долженъ остановиться на болѣе важной и сложной части вопроса, а именно: какъ устроить музей.

Мнѣ кажется необходимо поступить такъ: кружокъ Островскаго обратится черезъ литературные и театральные журналы къ обществу съ просьбой принять посильное участіе въ собраніи музея, а самъ займется составленіемъ списка вещей, которыя должны войти въ будущій музей.

Въ общей сложности эти вещи слѣдующія: 1) предметы, связанные съ жизнью Островскаго, 2) портреты А. Н. фотографическіе и рисованные красками, 3) снимки съ его могилы, дома, имѣнія, 4) рукописи и письма Островскаго, 5) рисунки художниковъ къ произведеніямъ Островскаго, 6) карикатуры на Островскаго, 7) портреты артистовъ, участвовавшихъ въ пьесахъ Островскаго (въ натурѣ и въ роляхъ), 8) Портреты друзей, знакомыхъ Островскаго и издателей его сочиненій, лицъ вообще игравшихъ какую бы то ни было роль въ его жизни или для его произведеній, 9) эскизы костюмомъ, декораций, мебели и другія вещи.

При музеѣ необходимо устроить и библиографическій отдѣлъ. Въ составъ этого отдѣла войдутъ: 1) Всѣ изданія его сочиненій, 2) №№ журналовъ, впервые помѣстившіе его пьесы, 3) Всѣ журнальныя и газетныя статьи и замѣтки о жизни и дѣятельности Островскаго, 4) Критическія статьи и замѣтки о пьесахъ и ихъ исполненіи и др., т. е. вообще весь библиографическій матеріалъ.

Предметы, принадлежащіе частнымъ лицамъ могутъ быть помѣщены въ музеѣ, (если ихъ не пожертвуютъ), какъ на выставкѣ, съ надписью фамилии хозяина вещи. Изъ рукописей бібліотеки румянцевскаго музея что либо перейдетъ въ музей Островскаго, можетъ что нибудь найдется въ Имп. публичной бібліотекѣ и въ коллекціяхъ нашихъ театраловъ.

Реэстръ вещей для музея намѣченъ мной вкратцѣ, кружокъ же Островскаго специально займется составленіемъ полнаго списка вещей, надлежащихъ войти въ музей.

Я надѣюсь, что мой призывъ найдетъ откликъ не только среди литераторовъ и актеровъ, но и вообще среди интеллигентной части нашего общества, безъ поддержки котораго неминуемо гибнетъ всякое благое начинаніе отдѣльной группы.

Необходимо теперь же приступить къ этому симпатичному хорошему дѣлу, чтобы ко дню 25-лѣтія со дня смерти этого энергичнаго дѣятеля сцены не дать повода говорить, что мы, русскіе не умѣемъ цѣнить заслуги своихъ соотечественниковъ.

Александръ Луговой.

— Въ Москвѣ 31 марта, въ день 25-лѣтія со дня рожденія А. Н. Островскаго состоялась торжественная церемонія прибитія доски на домѣ, въ которомъ родился покойный писатель-драматургъ. На торжествѣ присутствовали городской голова, литераторы, артисты и много публики.

ДОРОГІЕ ПОКОЙНИКИ.

Одинъ за другимъ, незамѣтно, подъ скорбную улыбку своихъ друзей и знакомыхъ, сходятъ съ «поля битвы» въ потусторонность, именуемую простымъ и понятнымъ языкомъ, — смертью, братья-писатели, — кузнецы родной земли, талантливые, но не увѣнчанные при жизни высокими знаками отличія, потому что они были скромны, потому что они не гонялись за дешевыми вѣнками и лаврами, потому что они знали цѣну себѣ и цѣну тѣмъ, кто срывалъ поцѣлуйные успѣхи толпы...

Свѣжая могила...

Туда положили прахъ поэта забытыхъ словъ, — А. М. Жемчужникова, поэта-гражданина.

Похоронили ветерана русской поэзіи послѣднихъ дней.

Скромно.

Безъ помпы...

И разошлись...

Осиротѣлъ «Вѣстникъ Европы», гдѣ исключительно печатался А. М.

Качаютъ грустно головами старые журналисты, прислушиваясь къ ликующему рокоту молодыхъ, къ ихъ призывамъ проводить жизнь въ сладострастномъ темпѣ...

Поэта гражданской скорби, поэта тоски и печали, поэта честныхъ словъ заглушилъ звонкій крикъ поэта плотскихъ вождѣйствъ, судорожный смѣхъ пѣвца половыхъ излишествъ, гасство стихоплета новыхъ словъ, непонятныхъ сколько ему самому, столько же и тѣмъ, кто случайно читаетъ эту рифмованную капусту.

И чѣмъ больше, и настойчивѣе слышатся эти мотивы, тѣмъ больнѣе чувствуется утрата въ маленькой семьѣ русской журналистики и литературы одного изъ ея безсмѣнныхъ членовъ. Нѣтъ А. М. Жемчужникова, но остались его живые памятники, его трезвая бичующая поэзія, его вѣра въ благородство, такая бодрая, заражающая, съ оттѣнкомъ грусти и ироніи. Стихи — свидѣтели его живые и на протя-

женіи болѣе, чѣмъ полувѣковой его литературной дѣятельности, нельзя нигдѣ встрѣтить ни брюзжанія старости, ни отчаянія, ни молодечества, когда онъ былъ и юнъ, и свѣтелъ, и молодъ. Даже, какъ одинъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ, скрывшихся подъ псевдонимами Кузьмы Прутковъ, онъ былъ спокоенъ, ровень и послѣдователенъ въ своихъ сатирахъ, шуткахъ и пародіяхъ.

Забутъ, какъ забыты его наиболѣе яркіе и талантливые предшественники: Некрасовъ со своей «музой мести и печали», Никитинъ съ поэзіей народнаго горя и болѣе поздніе: Надсонъ, измученный тоскою сердца, Гаршинъ — поэтъ-прозаикъ, жившій сердцемъ для други своя и находящійся въ живыхъ, — единственный поэтъ П. Я...

Во тѣмъ, пронизывающей русскую поэзію, мерцаютъ сальные огарки, раздуваемые приспѣшниками и покровителями новаго искусства...

Когда же эти огарки потухнутъ?

Когда?

М. Поповъ.

— Въ виду отклоненія Л. Н. Толстымъ предстоящихъ юбилейныхъ чествованій, комитетъ преобразуется въ «Общество Льва Тол того», по примѣру подобныхъ же заграничныхъ Обществъ. Въ цѣли Общества входитъ устройство музеевъ, собраніе матеріаловъ о жизни и дѣятельности писателя, въ честь котораго учреждено общество. Проектъ устава общества разрабатывается. П. И. Вейнбергомъ, Д. А. Дрилемъ, М. М. Ковалевскимъ, М. А. Стаховичемъ, А. А. Столыпинымъ и А. А. Шаховскимъ.

— Въ нѣкоторыхъ газетахъ появилось интервью съ сыномъ Л. Н. Толстого Л. Л. по поводу письменнаго отказа писателя отъ юбилейныхъ чествованій, слѣдствіемъ чего явилось прекращеніе дѣятельности литературнаго кружка по почину предстоящихъ торжествъ юбилея, причемъ сынъ писателя заявилъ, что ни самъ Л. Н., ни его семья не ожидали прекращенія дѣятельности комитета почина.

Теперь Л. Л. письмами въ редакціи газетъ опровергаетъ слова, приписанныя ему интервьюеромъ, высказывая только свой личный взглядъ, что комитетъ почина все-таки поспѣшилъ сложить съ себя полномочія.

— Л. Н. Толстой неутомимо работаетъ. Недавно онъ закончилъ большую повѣсть «Отецъ Сергій», но, говорятъ, что при жизни автора эта интересная повѣсть не выйдетъ въ свѣтъ.

Сюжетъ ея немногосложенъ: блестящій офицеръ изъ аристократической семьи постригается въ монахи подъ именемъ Сергія и уходитъ въ скитъ, гдѣ вскорѣ распространяется слава о его святости. Его искушаетъ одна дама, не вѣря въ святость суроваго отшельника, приходитъ къ нему въ келью и проситъ пріюта отъ ненастной погоды и

когда онъ проводитъ ее въ келью, дама отчаянно кокетничаетъ съ нимъ, въ монахѣ просыпается угасшая страсть, но онъ сдерживаетъ себя и въ аффектъ аскетическаго негодованія отсѣкаетъ топоромъ себѣ палець. Но и этотъ суровый монахъ въ концѣ концовъ не выдержалъ хотѣній вожденной плоти и изнасилował привезенную на излеченіе молодую купеческую дочь, страдающую слабоуміемъ, послѣ чего онъ переживаетъ много душевныхъ моментовъ, чувствуя, что то огромное зданіе, которое онъ строилъ изъ своихъ подвиговъ, и умерщвленія плоти, рухнуло въ немъ навсегда. Въ приливъ ярости на самого себя, онъ наноситъ изнасилованной дѣвушкѣ страшный ударъ по головѣ, и она падаетъ мертвой, А онъ бѣжитъ по большой дорогѣ, съ развѣвающимися волосами, бѣжитъ изъ того скита, который не далъ ему ничего, кромѣ преступленій. Куда? Куда глаза глядятъ. Читавшіе эту повѣсть передаютъ, что она производитъ огромное впечатлѣніе своей правдивостью, искренностью, блистательными страницами деревенской жизни и психологии о. Сергія.

— Писатель-народникъ Н. Н. Златовратскій избранъ по случаю 40-лѣтія литературной дѣятельности, почетнымъ членомъ московскаго литературно-художественнаго кружка.

— Шаломъ Ашъ, — одинъ изъ представителей здоровой еврейской литературы — задумалъ написать рядъ новеллъ изъ жизни Христа.

— «Факелы» превращаются въ журналъ мистическаго анархизма.

— Издательство «Свободныя Мысли» принимаетъ рядъ альманаховъ, въ которыхъ будутъ помѣщаться статьи, главнымъ образомъ, касающіяся новыхъ вѣяній въ литературѣ.

— Въ прочитанной 25 марта лекціи «Красота старины» А. А. Ростиславовъ, главнымъ образомъ, говорилъ о красотѣ въ церковномъ зодчествѣ, старина котораго не сохраняется, а подвергаясь реставраціи, нелѣпо умираетъ, превращаясь въ мумію и обезличиваясь. Лекторъ горячо протестовалъ противъ подобнаго умерщвленія красоты въ старинѣ, закончивъ лекцію призывомъ беречь старинные памятники зодческаго искусства, какъ береже т мы трудно больныхъ, которыхъ смерть д я насъ есть большое несчастіе. Лекція эта явилась результатомъ его личныхъ впечатлѣній во время поѣздки по городамъ Владиміро-Суздальскаго края.

— Ничего нѣтъ удивительнаго, что пьеса В. Протопопова «Черные Вороны» была одной изъ сенсационно-нашумѣвшихъ новинокъ. Ея успѣху способствовали тѣ репрессіи, которымъ она подвергалась со сто-

роны духовенства и администраціи. Какъ куръезъ отмѣчаемъ, что недавно противъ редактора газеты „Русь“ М. Крамалея было возбуждено московскимъ градоначальникомъ судебное преслѣдованіе за напечатанное въ газетѣ сообщеніе по поводу воспрещенія въ Москвѣ ставить „Черныхъ вороновъ“, хотя въ настоящее время дѣло это прокурорскимъ надзоромъ прекращено.

— Товарищеское изданіе, которое предпринимаетъ Н. Г. Шебуевъ, будетъ называться „Весна“. Вотъ условія, на которыхъ онъ приглашаетъ сотрудниковъ къ участію въ этомъ альманахѣ.

1) Каждый авторъ, помѣстившій въ альманахѣ свое произведеніе, становится соиздателемъ его пропорціонально числу занятыхъ имъ страницъ.

2) Каждый авторъ—соиздатель оплачиваетъ печать и бумагу, занятую его произведеніемъ.

3) Въ альманахѣ принимаются проза, стихотворенія, ноты, рисунки, карикатуры.

4) Произведенія политическія и порнографическія не принимаются вовсе. Забраванныя рукописи хранятся 1 мѣсяць.

5) Деньги вносятся послѣ того, какъ произведеніе будетъ найдено пригоднымъ для „Весны“ по такому расчету:

За одну печатную страницу—5 руб.; выше одной страницы—по 4 руб. за страницу. Свыше десяти страницъ—по 3 руб. 50 коп. за страницу.

6) Кромѣ указанной постраничной платы, никакихъ добавокъ за редакцію и контору взиматься не будетъ.

7) Главная цѣль альманаха дать возможность начинающимъ авторамъ выйти въ свѣтъ не подъ придирчивой редакціей заваленныхъ матеріалами журналовъ, а подъ благожелательной редакціей лица, задавагося цѣлью отыскать новые таланты среди молодежи.

О русской молодежи за границей.

За послѣднее время за граница подозрительно относится къ русской учащейся молодежи, ищущей знанія въ чужихъ земляхъ, а не у себя, на родинѣ, въ силу сложившихся дома независимыхъ обстоятельствъ. Отрицательное отношеніе къ русскому студенчеству выросло за границей до чудовищныхъ размѣровъ, въ Германіи, на примѣръ, русскую молодежь изгоняли всѣми способами, не давали закончить образованія, давили, высылали. Въ свободной нѣкогда Швейцаріи къ студенчеству отношеніе также измѣнилось: пугаль якобы анархизмъ русскихъ и вмѣсто стараго радушнаго гостеприимства — подозрительность, недовѣріе. Особенно ярко выражали протестъ содержатели и содержательницы меблированныхъ комнатъ, гостиницъ, требуя отъ русскихъ уплаты денегъ впередъ, чего ранѣе не было.

Любопытно привести мнѣніе одного изъ извѣстнѣйшихъ писателей-критиковъ Георга Брандеса, который констатируетъ противоположное тому, что создались вонкугъ имени русской молодежи за границей,—ихъ любовь къ труду, стремленіе къ свѣту.

„Не думаю,—пишетъ Брандесъ,—чтобы это являлось простою случайностью, но всѣ тѣ молодые люди изъ Россіи, которые мнѣ

встрѣтились въ Берлинѣ и Парижѣ, показались мнѣ крайне симпатичными и даровитыми. Знакомился-ли я съ бородатымъ студентомъ или съ двадцатилѣтней курсисткой—въ каждомъ изъ нихъ я находилъ нѣчто такое, чѣмъ молодежь другихъ странъ не поражала меня.

Каждое слово, каждый взглядъ ихъ говорилъ мнѣ о безконечной жаднѣ знанія, о безконечномъ стремленіи къ свѣту и свѣтлой жизни. Во время бесѣдъ съ ними я чувствовалъ, что любой изъ нихъ чѣмъ-то одаренъ, но что въ любомъ изъ нихъ что-то заглушено. Заглушено, должно быть, тѣми условіями нужды и вѣчной заботы о кускѣ хлѣба, которыя ихъ держатъ тутъ, за границей, въ цѣпкихъ и крѣпкихъ когтяхъ“.

Въ Америкѣ существуетъ „Общество борьбы съ порнографіей и безнравственностью“. Въ теченіе одного года общество это подвергло ауто-дафе массу порнографическихъ книгъ, картинъ, рисунковъ, открытыхъ писемъ,—послѣднихъ конфисковано 180.000. Торговцы и распространители этого „товара“ обыкновенно привлекаются къ отвѣтственности по суду, который караетъ провинившихся арестомъ и штрафами. Примѣръ, достойный подражанія... Петербургъ больше, чѣмъ какой либо изъ современныхъ городовъ, нуждается въ такомъ обществѣ.

На мотивъ Федора Соллогуба.

I.

Разувай скорѣе ноги и портянки
просуши...
Ноги, жаждущія ноги, ноги символъ
есть души!...
Поблѣднѣли? Отогрѣйся! Не туманъ
свой темный взоръ...
Обвивайся! Поднимайся! Уложи ихъ
на коверъ!...
Надо ноги грѣть ногами.. Поняла-ли?
Говори!
Занавѣсь гардиной окна, угаси всѣ
фонари,
Чтобы воплей не услышалъ ни
добрякъ, ни лицемѣръ...
Ночь любви для ногъ настала,—
сладострастья изувѣрь!

II.

Шафранъ и кардамонъ и томную
ваниль
Вмѣшалъ я въ омегъ мой на красную
мозоль.
Я псу во мнѣ сказалъ: «Ату ее!
Пиль! Пиль!»
И стыдъ растаявшій, и пляшущую
боль
Мой песь подъ громкій вопль
безстыдно растерзалъ.
Смѣялась громко ночь... Измятая
постель..
Она въ слезахъ.. Какъ песь, я
потъ ея лизалъ...
Шафранъ и кардамонъ поддерживали
хмѣль!...

III.

Мчатся жгучія минуты.
Я шепчу ей: „Ну ты! Ну ты!
Къ пыткѣ тѣло приневоль“.
Громкій хохотъ... Перекаты...
— Никого! Со мной одна ты!...
Нѣтъ стыда, а только боль!..
Стыдъ растаялъ, а до боли..
— Заживетъ!.. Побольше боли...
Заживетъ твоя мозоль!...

Ершь.

Москва. Наконец-то послѣ долгихъ цензурныхъ мытарствъ поставлена была въ Новомъ Театрѣ старинная комическая опера Лорцинга „Царь-плотникъ“, пользовавшаяся большимъ успѣхомъ въ Германіи. Въ Россіи ее не позволили ставить только потому, что въ ней фигурируетъ Петръ I.

Этотъ цензурный запретъ, въ связи съ живой и беззаботной музыкой, создалъ крупный успѣхъ оперѣ „Царь-плотникъ“. Новый Театръ былъ переполненъ въ день представленія 26 марта этой старой не для русскихъ новинки.

Опера исполнена была великолѣпно. Большой успѣхъ имѣли Сперанскій—Петръ и Оленинъ Бургомистръ.

Либретто оперы составлено талантливо, весело и сценично.

Настоящій спектакль показалъ, что эта опера будетъ гвоздемъ Новаго Театра.

Москвичъ.

Одесса. Въ Городской Аудиторіи состоялась гастроль А. А. Пасхаловой. Шла „Нора“ Ибсена, въ заглавной роли которой выступала гастролерша.

Успѣхъ былъ несомнѣнный, хотя сказать, что спектакль прошелъ съ ансамблемъ, нельзя.

Одно только вѣрно, что сотрудники-артисты подтянулись къ этому дебютному спектаклю, чтобы дать возможность талантливой артистки показать весь блескъ своего дарованія, тотъ творческій подъемъ, который сквозитъ въ каждомъ ея движеніи, въ ноткѣ голоса, въ каждой отчеканенной ею фразѣ.

А. А. Пасхалову вызывали безъ конца и поднесли ей цвѣты.

Заль былъ переполненъ.

Въ театрѣ Сибирякова играетъ малорусская труппа, дѣлая приличные сборы. Успѣхомъ пользуются М. К. Заньковецкая, Н. Садовскій, Загорскій,—какъ прекрасный имитаторъ еврейскихъ ролей,—I. Марьянскій и хоръ.

Балетъ малорусскій имѣетъ лихихъ танцоровъ.

Варшава. Въ Маломъ Театрѣ, несмотря на отрицательное отношеніе критики къ переведенной на польскій языкъ извѣстной комедіи Сухова-Кобылина „Свадьба Кречинскаго“, пьеса эта идетъ съ большимъ успѣхомъ уже нѣсколько разъ подрядъ. Конечно, въ нѣкоторомъ смыслѣ, критики въ своихъ сужденіяхъ правы: пьеса устарѣла, переводъ не отличается близостью къ подлиннику, особенно въ непереводаемыхъ мѣстахъ, гдѣ характерныя фразы: „Сорвалось!“ „Онъ передъ нимъ мальчишка и щеночекъ!“ пропадаютъ въ своей яркости на польскомъ языкѣ.

Но, во всякомъ случаѣ, такая попытка ознакомленія съ пьесами, получившими въ Россіи право гражданства, популярными и не сходящими и до сего времени съ репертуара столичныхъ и провинціальнахъ сценъ, заслуживаетъ поощренія, что даже доказала и сама публика, охотно идущая на эту „устарѣвшую“ пьесу.

Въ постановкѣ М. Гавалевича „Свадьба Кречинскаго“ производитъ должное впечатленіе. Главныя персонажи въ пьесѣ, благодаря мастерской игрѣ Концевича и Мельницкаго, остались русскими Кречинскими и Расплюевыми.

Мельницкій переигрывалъ Расплюева, но это такая роль, гдѣ трудно не впасть въ шаржъ.

Объ остальныхъ исполнителяхъ, какъ придаточныхъ въ комедіи, которая жива только этими двумя ролями, говорить не стоитъ, нѣтъ ни охоты, ни времени.

Русскій.

Самара. Въ настоящее время въ нашемъ городѣ играютъ двѣ опереточныя труппы: въ циркѣ,—подъ управленіемъ гг. Щепилло и Бутлера и въ городскомъ театрѣ, подъ управленіемъ Кошевскаго. У первыхъ—гастролируютъ Смолина и Кубанскій, у второго—Раисова.

Первый выходъ Смолиной и Кубанскаго состоялся въ „Птичкахъ пѣвчихъ“ при пустомъ театрѣ, несмотря на очень дешевыя цѣны, Раисова дебютировала въ „Цыганскихъ романахъ“.

Г-жи Раисова и Смолина пользуются одинаковымъ успѣхомъ, однако самарцы предпочитаютъ ходить въ „Городской театр“ а не въ циркъ, такъ какъ тамъ ставятся, чередуясь съ опереткой, фарсы съ ванными комнатами и порнографическими трюками, что нравится нашей публикѣ.

Опереточная труппа Щепилло силами не блещетъ, не считая, конечно, гастролеровъ и постоянныхъ артистовъ этой труппы: Розановой, — лирическ. пѣвица и Зайцева — теноръ.

Изъ артистовъ труппы г. Кошевскаго пользуются успѣхомъ: г-жи Бауэръ, Варламова, Лучезарская, Забелло; гг. Мираевъ, Гальбиновъ и Любовь. Si be-mol.

Астрахань. (Какъ у насъ реагировали на фарсъ). Выдѣлившаяся изъ труппы П. П. Струйскаго часть артистовъ, образовавшихъ ибъ себя товарищество, занялось постановкой на сценѣ зимняго театра возмутительно-пошлыхъ фарсовъ.

Публика негодовала... Многіе совсѣмъ перестали бывать въ театрѣ, но товарищество, несмотря на пассивную обструкцію астраханцевъ, изощрялось изъ всѣхъ своихъ силъ, чтобы привить къ нашему городу свою возлюбленную, то бишь. „боевой

фарсъ“,—нѣжное дитя, взлелѣянное на берегахъ Невы папашей Казанскимъ.

Пассивное сопротивленіе насажденію сего „древа познанія голаго тѣла“ выразилось наконецъ и активно. Долготерпѣніе астраханца истоцилось.

Это произошло 10 марта во время постановки „Амуръ и К⁰“.

Ванная комната, въ которой находился обнаженный мужчина, не вызвала бури восторговъ и плотоядныхъ всепожирающихъ взглядовъ публики, наоборотъ, туда, какъ въ помойную яму, изъ зрительнаго зала невидимой рукой начали съ грохотомъ валиться бутылки, наполненныя душистой влагой чистаго дегтя и французскаго скипидара, а въ заключеніе всего въ знаменитую ванную комнату влетѣлъ увѣсистый булыжникъ, Получился, конечно, скандалъ.

Мораль: что можно въ Петербургѣ, то не дозволено въ провинціи, что въ Петербургѣ считается пикантнымъ шикомъ, въ провинціи называется безстыдствомъ и порнографіей.

Рязань. Съ 23 марта въ залѣ всеобщаго собранія начались спектакли малорусской труппы,—антреприза Мирова-Бедюгъ. Труппа средняя, въ которой имѣются и недурные голоса и залихватскіе танцоры. Костюмы чистенькіе, все честь-честью.

Спектакль „Назаръ Стодоля“ показалъ, что среди артистовъ имѣются опытные персонажи: Стодоля, Наливайко, Мировъ, Зоренко и артистки: Андреевская, Мирова, Куликова. Небольшой, но спѣвшійся хоръ.

При такихъ условіяхъ труппа можетъ вполне разсчитывать на вниманіе публики и не бояться прогара.

Конечно, если труппа не будетъ злоупотреблять такимъ вниманіемъ—небрежностью постановокъ послѣдующихъ спектаклей.

Черниговъ. Гастроли оперныхъ артистовъ подъ управленіемъ М. Ф. Шигаевой, начались въ лѣтнемъ театрѣ съ 23 марта оперой „Ромео и Джульета“. Постановка этой оперы, въ смыслѣ исполненія заглавныхъ партій, прошла съ успѣхомъ, хотя отсутствіе хора и оркестра,—конечно, не абсолютныя, ибо какая же это опера безъ музыки и хоровъ?—сказывалось на общемъ впечатленіи. Партіи Ромео и Юліи, Даниловымъ и Талиной проведены были художественно,—благодаря прекраснымъ голосовымъ средствамъ, соединеннымъ съ выдержанной игрой, доходящей до драматичности... Сильный басъ Жукова, выступавшаго въ партіи Лорана, понравился черниговцамъ. У этого пѣвца всѣ данныя сдѣлаться крупной величиной въ музыкальномъ мірѣ.

Товарищество, вѣроятно, останется и на пасху, такъ какъ интересъ къ оперѣ, какъ показалъ этотъ первый спектакль, большой въ публикѣ.

Черный.

Ровно. Съ 3-го марта начались у насъ гастрольные спектакли драматической труппы подъ управленіемъ Н. В. Лирскаго-Муратова. Труппа въ цѣломъ производитъ — хорошее впечатлѣніе. Декоративную сторону прекрасно обставляетъ художникъ К. К. Петерманъ. Особенно удачными были декорации пьесъ: „Волна“, „Дѣти солнца“ и „Распадъ“ — трудная картина пожара въ 4-мъ дѣйствиіи была поставлена г. Петерманомъ очень красиво, сценично и художественно было обставлено имъ и еврейское кладбище въ новой пьесѣ Шоломъ-Аша „Грѣхъ“. Ставятся преимущественно популярныя новинки. До сихъ поръ поставлены у насъ: „Волна“, „Евреи“, „Дѣти солнца“, „Распадъ“ — не особенно удачная инсценировка разсказа Юшкевича, „У васъ есть, что предъ-явить?“ „Нравственность г-жи Дульской“, „Марья Ивановна“ и одноактная новая драма Шоломъ-Аша „Грѣхъ“—спеціально разрѣшенная авторомъ труппѣ къ первому представленію.

Какъ артистъ г. Лирскій - Муратовъ зарекомендовалъ себя умнымъ и серьезнымъ артистомъ. Задуманные имъ типы очень вѣрны. Это очень талантливый и весьма разнообразный артистъ и умный режиссеръ. Г-жа Саймина одна изъ молодыхъ и наиболѣе даровитыхъ артистокъ въ труппѣ и ей можно предсказать прекрасную будущность. Г-жа Пиваровичъ подкупаетъ въ своей игрѣ задушевнымъ тономъ и искренней интонаціей. Это артистка съ большимъ драматическимъ темпераментомъ. Г. Берзинъ великолѣпный фатъ.

Г-жа Иванчина-Писарева хорошая драматическая героиня. Лучшее всего ей удалась роль Марьи Ивановны въ пьесѣ Чирикова. Тонко изобразила она душевныя муки женщины, рвущейся къ работѣ, на волю, но все же вынужденной жить тусклой и безцвѣтной жизнью русской провинціи. И эта жизнь тиха, точно заплеснѣвшая стоячая вода, точно безжизненнымъ спокойствіемъ полна она. Но изрѣдка вспыхиваетъ огонекъ, встрепенется провинція отъ долгаго сна и съ всепоглощающимъ интересомъ набросится она на какую-нибудь случайно проѣзжавшую труппу актеровъ. И Марья Ивановна первая увлекается театромъ. Онѣ находятъ здѣсь все, чего жаждетъ ихъ душа: интереса и творчества, а главное онѣ видятъ въ театрѣ истинную колыбель свободы и красоты.

Г-жа Бабинова хорошая комическая старуха. Замѣчательно просто и искренно передаетъ она роль. Иногда лишь портитъ впечатлѣніе нѣкоторое однообразіе тона г. Савельевъ.

Труппа пробудетъ здѣсь до послѣдней недѣли поста. Предстоитъ еще цѣлый рядъ бенефисныхъ спектаклей. Спектакли ставятся ежедневно, кромѣ понедѣльниковъ, а по субботамъ и воскресеньямъ утренники по удешевленнымъ цѣнамъ. Дѣла труппы вначалѣ не важныя, начинаютъ поправляться, благодаря симпатіямъ, которыя она у насъ завоевала.

М. О. Блихъ.

Уфа. (Опера съ преміей). Организованные у насъ, съ легкой руки г. Цвѣтковымъ, оперные спектакли заслуживаютъ и глубокаго вниманія къ себѣ, и поощренія со стороны публики, которая охотно шла на оперу...

Непонятно только, почему 14 марта, когда вторично шелъ „Демонъ“, администрація спектаклей въ заключеніе... дала танцы. Послѣ оперы и, вдругъ танцы!..

Нечего сказать, хорошіе любители и цѣнители музыки въ Уфѣ, если ихъ заманиваютъ на интересный спектакль разными приложениями и преміями!..

Точно дешевый журналъ, печатающій никому невѣдомыхъ авторовъ, но дающій въ премію міровыхъ классиковъ!..

Вышло немножко конфузливо...

А, впрочемъ, танцы, по обыкновенію, прошли весело и непринужденно...

Можетъ быть, и оперные любители принимали участіе въ этомъ невинномъ искусствѣ, которое, какъ доказалъ нашъ городъ, должно быть съ придаткомъ для интереса къ Рубинштейну и его незабвеннымъ твореніямъ?!..

Могилевъ. (У страха глаза велики). Очень курьезная исторія, которая произошла въ практикѣ еврейской труппы Семъ-Адлера, подвизавшейся у насъ. Въ дивертисментахъ большой популярностью пользовалась распѣваемая труппой пѣсенка „Хава“; еврейская публика всегда требовала исполнить эту пѣсенку, такую смѣшную и, значить, веселую.

И всегда публика смѣялась заразительно, весело, требуя ея повторенія.

— Почему смѣются? Что это за пѣсенка? нахлынули тревожныя думы въ голову одного изъ могилевскихъ охранителей порядка и тишины.

— Неладно!.. Ужъ не революціонная ли это пѣсенка?

И вдругъ запретъ.

— Не позволю-сь!..

— Но почему? Почему?

И только послѣ того, какъ администрація труппы, узнавъ причины опалы, перевела „Хаву“ на русскій языкъ и охранитель проценировалъ ее, — прекращенные спектакли труппы были разрѣшены вновь, а также разрѣшено было пѣть и „Хаву“.

Неправда-ли, смѣшная исторія? Можетъ быть, даже смѣшнѣе и этой „Хавы“?..

Нѣкто.

Бѣлостокъ. Артистами г. Московскимъ, г-жей Вадимовой, съ участіемъ любителей, была поставлена на дняхъ пьеса Трахтенберга „Фимика“. Послѣдняя шла у насъ впервые. Смотрится пьеса съ захватывающимъ интересомъ. Какъ постановку, такъ и исполненіе пьесы можно назвать посредственными. Заглавная роль Фимки въ исполненіи г-жи Вадимовой вышла удачно. Артистка прониклась своей ролью и передала ее тонко и обдуманно. Мѣшаетъ ей немного голосъ, который порою звучалъ

слишкомъ рѣзко, но вообще на ея долю выпалъ самый большой успѣхъ.

Прилично провелъ трудную роль Молотова—г. Иваницкій. Послѣднему нужно лишь поставить въ упрекъ нетвердое знаніе роли.

Съ темпераментомъ произносилъ свои длинные монологи г. Московскій, игравшій наборщика Слюткина. Одно мнѣ непонятно, почему говорилъ онъ не своимъ голосомъ. Съ выдержкой и пониманіемъ игралъ г. Хватъ, который безусловно обладаетъ сценическими способностями. Недурны были также гг. Чудовскій и Соколовскій. Публики въ театрѣ было немного. **Цез. Сег.**

Витебскъ. Составъ труппы, антреприза Г. Плошинскаго: Г-жи Гордонъ, Ольгина, Черкасова, Неметти, Линская, Черская, Веселовская, Минина и др. Г-да Рамазановъ, Банткой, Петипа, Романовъ, Чечинъ, Гаринъ, Ленскій, Громовъ, Лядовъ и др. Режиссеръ В. В. Рамазановъ. Спектакли начнутся съ пасхи въ зимн. городъ театрѣ, а затѣмъ все лѣто въ новомъ лѣтнемъ театрѣ.

Асхабадъ. Съ живѣйшимъ интересомъ проходятъ у насъ гастроль армянской труппы, украшеніемъ которой является талантливый трагикъ О. Абелянъ, какъ одна изъ центральныхъ силъ ея.

Громадный фуроръ произвелъ онъ своей игрой въ роли Карла Моора въ „Разбойникахъ“ Шиллера.

Бурныя оваціи были отвѣтомъ на созданный имъ художественный типъ,

Изъ другихъ исполнителей необходимо отмѣтити Манвелянъ—Францъ Мооръ, Арусякъ—Амалия, Зарифянъ—Патеръ, Восканянъ—Швейцеръ и Алавердянъ—Шпигельбергъ. Въ матеріальномъ отношеніи спектакли идутъ удачно.

Труппа, кажется, останется и на пасху.

Ялта. Въ общественномъ собраніи съ 11-го марта начались спектакли съ участіемъ Ф. В. Радолина и А. К. Янушевой. Для перваго спектакля были поставлены „Привидѣнія“ Ибсена.

Роль Освальда была проведена Г. Радолинымъ съ большимъ искусствомъ.

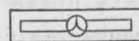
А. К. Янушева была очень изящной Региной.

Хорошо справились со своими ролями г-жа Каренина (Елена Альвингъ) и г. Бочаровъ (Столяръ).

Спектакли продолжатся до седьмой недѣли поста.

А. Л.

Кавказскія минеральныя воды. Казенные театры сданы на предстоящій сезонъ С. И. Крылову.

Редакторъ-Издатель В. Г. БЛОХИНЪ.